

ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА ДЕТЕКТИВА

Эдгар Аллан По
Сфинкс

Артур Конан Дойл
Приключения Шерлока Холмса

**Эдгар Аллан По
Артур Конан Дойл
Сфинкс. Приключения
Шерлока Холмса (сборник)**

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12051287
Сфинкс. Приключения Шерлока Холмса (сборник): Клуб Семейного Досуга; Харьков; 2011
ISBN 978-966-14-1899-7, 978-966-14-1895-9, 978-966-14-1898-0*

Аннотация

В десятый том серии «Золотая библиотека детектива» вошли три новеллы Э. А. По («Сфинкс», «Береника», «Метценгерштейн») и цикл рассказов А. Конан Дойла «Приключения Шерлока Холмса».

Содержание

Предисловие	5
Эдгар Аллан По	7
Береника	7
Метценгерштейн	13
Сфинкс	19
Артур Конан Дойл	22
Приключения Шерлока Холмса	22
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Сфинкс. Приключения Шерлока Холмса (сборник)

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2011

* * *

Предисловие

Три новеллы «отца детектива» Эдгара Алана По, включенные в десятый том «Золотой библиотеки детектива», как нельзя более ярко отображают тот период творчества знаменитого писателя, когда он со всей одержимостью художественной натуры погрузился в некий особый мир, где так тесно и, можно сказать, неразлично переплелись фантазия и действительность, ирреальное и реальное, эмоциональная и рациональная сферы, мир, который не только отличается от стереотипов массового мышления, но подчас вступает в непримиримый конфликт с ними.

Эдгар По решительно и смело проникает в темные глубины подсознания, с дотошностью лабораторного исследователя анализирует процессы угасания жизни и перехода ее в иные, непознанные формы существования, душу как автономный субъект жизнедеятельности, нестандартные состояния человеческой психики.

Особое место в творчестве писателя занимают различные вариации на тему смерти прекрасной юной женщины, которая не уходит вовсе из жизни, а лишь переселяется на иной ее уровень, и при этом неотвратимым последствием такого переселения является полное и необратимое крушение личности ее inferнального возлюбленного, чья психическая организация оказалась не способной адекватно воспринять эту метаморфозу.

А чья оказалась бы способной?

И отнюдь не случайным представляется то, что автор новеллы «Береника» приводит известный парадокс древнего богослова Тертуллиана: «Умер сын Божий – заслуживает доверия, ибо нелепо; умерший воскрес – не подлежит сомнению, ибо невозможно».

* * *

И снова Великий Сыщик, общение с которым едва ли может наскучить кому бы то ни было, как не может иссякнуть интерес даже самых искушенных знатоков к его дедуктивному методу расследования преступлений.

Сэр Артур Конан Дойл своими произведениями оказал огромное влияние на развитие криминалистики. Известно, что практически первый фундаментальный труд в этой области – книга Г. Гросса «Исследование преступлений» вышла в свет уже после того, как Шерлок Холмс завоевал славу первооткрывателя научных принципов в деле разгадывания криминальных тайн.

Даже высокопоставленные функционеры государственной полиции в своих интервью вынуждены были признавать неоспоримые заслуги Конан Дойла в решении проблем совершенствования и научного осмысления следственных действий.

Впрочем, дедуктивный метод Холмса основан не столько на абстрактных умопостроениях, сколько на элементарной логике, на способности подмечать явления окружающего бытия, анализировать, сопоставлять их и приходить к определенным выводам. Здесь требуются ясный ум, эрудиция и недюжинный интеллект, но наука – это, пожалуй, из несколько иной сферы. Ведь не требуется же научного знания для того, чтобы сообразить, что надпись на стене соответствует уровню глаз писавшего – и, следовательно, таким образом определить его рост; или обратить внимание на то, что без особой на то причины гувернантке не платят жалованье в трехкратном размере («Медные буки»), а квалифицированный работник не станет довольствоваться половинным жалованьем («Союз рыжих»).

Или – «если палка высотой в шесть футов отбрасывает тень в девять футов, то дерево высотой в шестьдесят четыре фута отбросит тень в девяносто шесть футов...».

Действительно, для таких вычислений вовсе не обязательно обладать специальными знаниями или проводить особого рода исследования, как и для вывода о том, что если шляпа некоего джентльмена не чищена уже несколько недель, то его, конечно же, разлюбила жена («Приключения голубого карбункула»).

В новелле «Скандал в Богемии» Холмс снисходительно поясняет своему простодушному другу: «Если ко мне в комнату входит человек, пропахший йодоформом, с черным пятнышком ляписа на указательном пальце правой руки и с шишкой на правой стороне цилиндра, где он прячет свой стетоскоп, я был бы настоящим тупицей, если бы не сообразил, что передо мной – врач, активно занимающийся своими прямыми обязанностями».

Но, разумеется, результаты подобного рода наблюдений являются лишь вспомогательными средствами построения следственной версии. Новелла «Приключение с пестрой лентой» стала убедительным аргументом в пользу того, что верное определение мотива и отдельные детали сами по себе, на первый взгляд, ничего не объясняющие, тем не менее в совокупности своей предоставляют реальную возможность воспроизвести полную картину готовящегося преступления.

«Я давно придерживаюсь одного правила, – поясняет своему другу Великий Сыщик, – следует исключить все невозможное. Тогда то, что остается, и есть истина, какой бы невероятной она ни казалась».

И настоятельно советует при этом не только смотреть, но и *наблюдать*.

Умение наблюдать и свободно, без оглядки на сложившиеся стереотипы массового мышления, оперировать полученными данными позволяет Холмсу принимать решения, имеющие полное право называться открытиями.

Вот они-то, его ошеломляющие открытия, и дают основания для ощущения самого, пожалуй, ценного из состояний человеческой души – внутренней независимости.

Этот человек независим в полном смысле этого слова, и его непоколебимая независимость, столь экзотическая в человеческом сообществе, создает какой-то особый ореол чуть ли не сверхчеловека, хотя Шерлок Холмс вовсе не претендует на подобное звание. Просто он мастер своего дела, Мастер, который может позволить себе общаться на равных с самыми высокопоставленными особами, и даже слегка свысока, потому что, если у министра отнять портфель и кабинет, он станет попросту никем, а вот у Мастера никто не может отнять его мастерство...

И недаром же Гилберт Кит Честертон, строгий и чрезвычайно скупой на похвалы критик, великий парадоксалист и насмешник, отмечал со всей серьезностью и со всей почтительностью: «В конце концов лучшими из детективных историй остаются новеллы о Шерлоке Холмсе, и, хотя имя этого несравненного кудесника известно всему свету, а легенда о нем – пожалуй, единственный настоящий миф нашего времени, у меня сложилось впечатление, что сэр Артур Конан Дойл еще не получил причитающуюся ему по праву долю нашей благодарности».

Эти строки, написанные в 1928 году, не утратили своей актуальности и сегодня.

В. Гитин, исполнительный вице-президент Ассоциации детективного и исторического романа

Эдгар Аллан По

Береника

*Dicebant mihi sodales, si sepulchrum amicae visitarem, curas meas
aliquantulum fore levatas.*

Ибн-Зайат¹

Горе многолико. Печаль земная многогранна. Она простирается над широким земным горизонтом, точно радуга, и оттенки ее так же бесчисленны, как цвета этой арки, так же отчетливы, но так же и безгранично неотделимы друг от друга. Простирается над широким горизонтом! Как вышло, что красоту я превратил в уродство? Заговор мира и покоя – в метафору печали? Однако, подобно тому как в этике зло считается следствием добра, так и в действительной жизни скорбь рождается из счастья. Не то воспоминания о былом блаженстве приносят сиюминутную муку, не то страдания, которые *есть*, коренятся в восторгах, которые *могли бы быть*.

При крещении я был наречен Эгеем. Свое родовое имя я не назову. Но на этих землях нет замков, более овеванных веками, чем мои мрачные, серые фамильные чертоги. Линию нашу всегда почитали племенем мечтателей, и во множестве удивительных частных – в самих формах родового жилища, во фресках главного зала, в обивке стен почивален, в резьбе некоторых колонн в оружейной комнате, но более всего в галерее старинных полотен, в обустройстве библиотеки и наконец в особенном своеобразии ее содержимого – доказательств, подтверждающих эту веру, более чем достаточно.

Воспоминания о моих самых ранних годах связаны с этой комнатой и хранящимися в ней томами, о которых более я упоминать не стану. Здесь умерла моя мать. Здесь появился на свет я. Впрочем, неверно говорить, что меня до тех пор не существовало; утверждать, что душа человека не имеет предыдущего существования – пустые слова. Возражаете? Давайте не будем о том спорить. Будучи убежден сам, я не испытываю потребности убеждать. И все же память моя хранит воспоминания о каких-то тонких неземных формах; о взорах, преисполненных разума и духа; о звуках, мелодичных и в то же время грустных, – воспоминания, которые нельзя исключить, воспоминания, подобные неуловимой тени, такие же неосозаемые, непостоянные, зыбкие; сходные с тенью еще и тем, что мне не избавиться от них, доколе разум мой будет озарять их своим сиянием.

В той комнате появился на свет я. Итак, пробудившись после долгой ночи того, что казалось, но не было небытием, оказавшись в самом сердце полного чудес волшебного мира, во дворце воображения, в неизведанных просторах монастырской мысли и учености, стоит ли дивиться тому, что я посмотрел вокруг удивленным и горящим взором, что детство свое я провел за книгами, а отрочество посвятил раздумьям? Но что *удивительно*, по прошествии стольких лет, в зените зрелости, все еще пребывая в отцовских стенах, что *на самом деле поразительно*, так это то, какое безволие сковало родники моей жизни; поразительно, какая полнейшая перемена произошла в природе даже самых обыденных моих помыслов. Реальности мира стали представляться мне порождением фантазии, всего лишь видениями, не более; но вот дивные помыслы мира грез превратились, нет, не в смысл моего каждодневного существования, они полностью и всецело заменили самое это существование.

¹ Мне говорили собратья, что горе мое исцелится, если я навещу могилу подруги (*лат.*). Ибн-Зайат – арабский поэт XI в. (*Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.*)

* * *

Береника была моей кузиной, и в родовом замке мы росли вместе. Но росли по-разному: я – нездоровым, хмурым, она – живой, изящной, пышущей энергией; ей бы все резвиться среди лугов на склонах холмов, мне – корпеть над книгами в тишине; я – живя своим сердцем, телом и душой отданный самым напряженным и болезненным размышлениям, она – беспечно идя по жизни, не задумываясь о тенях на пути или о молчаливом полете вранокрылого времени. Береника! К *ее* имени взываю я... Береника!.. И из серых руин памяти тысячи беспокойных воспоминаний восстают, потревоженные этим звуком. Ах, как же ясно образ ее теперь стоит у меня перед очами, так же ясно, как в дни ее беспечной юности и беззаботного счастья. О, прекраснейшая из красавиц, пленяющая диковинной красотой! О, сильфида меж зарослей арнхеймских! О, плещущаясь среди волн наяда! А после... а после – тайна и ужас, то, о чем рассказывать негоже. Болезнь, смертельная болезнь горячим самумом обрушилась на нее; и, глядя на нее, я не мог не заметить, что дух перемены витал над ней, пронизывая ее разум, ее привычки, ее характер, самым незаметным и жутким манером тревожа даже самое ее суть! Увы! Разрушитель явился и сгинул, а жертва... Где она? Я не узнавал ее... во всяком случае, я более не узнавал в ней Беренику.

Среди многочисленных недугов, принесенных этою хворью, смертельным и тягчайшим, вызвавшим столь жуткую душевную и физическую перемену в моей кухне, самым удручающим и стойким по природе своей была эпилепсия, которая не раз заканчивалась *трансом*, трансом, неотличимым от смерти, от которого пробуждалась она почти всегда с поразительной внезапностью. Тем временем моя собственная болезнь – ибо мне было сказано, что никаким иным словом называть мое состояние не следует – моя собственная болезнь стремительно поглощала меня и наконец приобрела характер мономании, необычной и исключительной формы, ежечасно, ежесекундно укрепляющейся и набирающей силу и со временем обретшей надо мной непонятную власть. Мономания эта – раз уж я должен так ее называть – заключалась в болезненной раздражительности тех качеств разума, которые, как полагает метафизическая наука, отвечают за внимание. Более чем вероятно, что изъясняюсь я непонятно, но боюсь, что просто не существует того способа, которым можно было бы вложить в разум обычного читателя должное представление о той нервной «напряженности интереса», с которой я погружался в созерцание и «обдумывание» (если не воспринимать этот термин технически) даже самых будничных, самых наиобычайших предметов во Вселенной.

Размышлять долгими нескончаемыми часами, глядя на какую-нибудь легкомысленную картинку, нарисованную на полях книги, или рассматривая шрифт, которым набран текст; сосредоточиться на затейливых тенях, падающих наискось на гобелен или на пол, и просидеть так большую часть летнего дня; замороженно наблюдать целую ночь за ровным огнем какой-нибудь лампы или за тлеющими углями в камине; посвятить несколько дней кряду обдумыванию аромата цветка; монотонно твердить одно и то же слово, какое-нибудь самое обычное, повседневное слово, покуда звук его от многократного повторения полностью не утрачивает смысл; потерять всяческое ощущение движения или вообще физического существования, предавшись полнейшей телесной расслабленности, длительной и настойчивой, – вот лишь некоторые из самых частых и наименее безобидных причуд, вызванных состоянием умственных процессов, не то чтобы совсем утративших какое-либо подобие четкости, но, несомненно, не поддающихся анализу либо объяснению.

И все же я не хочу быть понятым неправильно. Столь непомерное, искреннее и нездоровое внимание, вызываемое подобными по самой природе своей малозначимыми объектами, ни в коем случае не стоит приравнять к той предрасположенности к созерцатель-

ности, которая свойственна всем людям, и в особенности проявляющейся у личностей, наделенных слишком живым воображением. Это даже не было, как может поначалу показаться, каким-то необычным состоянием, или даже просто преувеличенным проявлением подобной склонности – это было совершенно определенное и ни на что не похожее состояние. Если в первом случае мечтатель, или человек увлеченный, заинтересовавшись каким-либо объектом, обычно *не* малозначимым, незаметно для себя теряет из виду сей объект в бесконечном множестве порожденных им разнообразных идей и умозаключений, пока на излете этой мысли, часто весьма возвышенной, он вдруг не обнаруживает, что *incitamentum*², или первопричина его задумчивости, исчезла или полностью забыта. В случае со мной первопричина была *всегда малозначимой*, хотя мое расстроенное воображение неизменно наделяло ее какой-то противоестественной и фантастической важностью. Если моя мысль и делала какие-то шаги в сторону, то их было немного, и всегда она упрямо возвращалась к тому, что являлось отправной точкой. Размышления *никогда* не приносили мне удовольствия, и если что-то выводило меня из задумчивости, первопричина этого, если уже не находилась перед глазами, вызывала тот еще больший, на этот раз прямо-таки сверхъестественный интерес, который и был основным признаком моего недуга. Одним словом, у меня в первую очередь в ход шли те силы разума, которые отвечают, как я уже говорил, за *внимание*, а у обычного мечтателя – за *мышление*.

Надо сказать, что книги, увлекавшие меня в ту пору, если сами и не являлись причиной моего расстройства, своею фантастичностью, своим разнообразием во многом отражали признаки этого расстройства. Среди прочих я хорошо помню трактат благородного итальянца Целия Секунда Куриона³ «*De Amplitudine Beati Regni Dei*»⁴, великий труд Блаженного Августина⁵ «О граде Божиим» и «*De Carne Christi*»⁶ Тертуллиана⁷, парадоксальные слова из которой «*Mortuus est Dei filius; credible est quia ineptum est: et sepultus resurrexit; certum est quia impossibile est*»⁸ на многие недели погрузили меня в напряженные и бесплодные изыскания.

Так может показаться, что разум мой, утрачивающий равновесие только лишь под влиянием самых обыденных вещей, имел сходство с тем упоминаемым Птолемеем Гефестионом⁹ океанским утесом, который, не поддавшись могучей силе человека и еще более яростному неистовству волн и ветра, дрогнул от прикосновения цветка, называемого асфоделью. Впрочем, если досужему мыслителю и может показаться несомненным фактом то, что в переменах, произведенных ее горестным недугом в *душевном* состоянии Береники, я мог отыскать немало поводов для той напряженной и ненормальной работы мысли, природу которой мне стоило таких трудов объяснить, это ни в коем случае не соответствует действительности. В периоды, когда задумчивость моя на время оставляла меня, ее беда заставляла меня страдать, и все же, принимая близко к сердцу тот крошечный ад, в который превратилась ее светлая и чистая жизнь, я довольно редко и не так уж глубоко задумывался над тем, каким чудодейственным образом подобный перелом мог произойти столь внезапно. Однако мысли эти не имели ничего общего с моей болезнью и ничем не отличались от тех, что в подобных обстоятельствах приходят в голову любому человеку. Оставаясь верным

² Побудительная причина (лат.).

³ Курион, Целий Секунд (1503–1569) – итальянский гуманист.

⁴ «О величии блаженного царства Божия» (лат.).

⁵ Блаженный Августин (354–430) – христианский богослов, влиятельный проповедник и писатель.

⁶ «О пресуществлении Христа» (лат.).

⁷ Тертуллиан, Квинт Септимий Флоренс (ок. 160 – ок. 230) – раннехристианский богослов и писатель.

⁸ «Умер сын Божий – заслуживает доверия, ибо нелепо; умерший воскрес – не подлежит сомнению, ибо невозможно» (лат.).

⁹ Птолемей, Клавдий (87–165) – древнегреческий математик и географ.

себе, безумие мое упивалось менее важными, но более удивительными переменами в *физическом* облике Береники, в том, как необыкновенно и страшно исказилась ее внешность.

В дни расцвета ее несравненной красоты я не любил ее. Мое существование было настолько противоестественным, что чувства *никогда* не шли от сердца, а волнения *всегда* были порождением разума. Сквозь серость раннего утра, среди пестрых теней полуденного леса и в тиши своего кабинета ночью я видел ее, порхающую, но видел ее не как живую, дышащую Беренику, а как Беренику из мира грез; не как земное (приземленное) существо, а как абстракцию такого существа; видел в ней предмет не для восторга, а для анализа; видел в ней не объект любви, а тему для самых глубоких, хоть и бессвязных мыслей. *А теперь* – теперь я трепетал, когда она была где-то рядом, а когда приближалась – бледнел. И все же, горько оплакивая ее падение, ее жалкое состояние, я напоминал себе о том, что она долго любила меня, и о том, что в один злосчастный день я заговорил с ней о браке.

И вот, когда свадьба наша была уже не за горами, зимой, в один из тех необычно теплых, тихих и туманных дней, дней, которые порождают на свет прекрасную Альциону¹⁰, я сидел (как я полагал, в одиночестве) во внутренних покоях библиотеки. Но, подняв глаза, я увидел, что предо мной стоит она, Береника.

Мое ли разыгравшееся воображение или туманная пелена в самом воздухе; робкая ли полутьма зала либо же серые складки ее убранства, ниспадающие вокруг ее фигуры, – что делало контур ее столь робким и неясным? Я не мог определить. Она не произнесла ни единого слова, а я... Ни за какие блага земные или небесные я бы не смог вымолвить и слога. Ледяным холодом обдало меня с ног до головы, чувство нестерпимого волнения поглотило меня, но душа моя преисполнилась всепоглощающим любопытством, и, вжавшись в спинку стула, я какое-то время сидел не дыша и не в силах пошевелиться или оторвать взгляд от ее застывшей фигуры. Увы! Истощение ее было чрезмерным, и теперь в очертаниях ее фигуры не было ни малейшего изгиба, который напоминал бы о том существе, которым некогда была она. Наконец мой лихорадочный взор пал на ее лицо.

Высокое и очень бледное чело ее было исключительно ясным; некогда черные как смоль, а теперь ярко-желтые волосы, обрамляющие его и оттеняющие бесчисленными локонами впалые виски, своей нестройной буйностью вступали в спор с печатью печали на ее лице. Тусклые, безжизненные, стеклянные глаза ее, казалось, были лишены зрачков, и, увидев их, я невольно содрогнулся, отчего взгляд мой упал на тонкие сморщенные губы. Те разомкнулись, и в особенной, наделенной непонятным мне смыслом улыбке взору моему медленно открылись *зубы* новой Береники. Господи Боже! Лучше бы я не видел их или, увидев, умер!

* * *

Потревожил меня звук закрывшейся двери, и, подняв глаза, я увидел, что моя кухня покинула зал. Но, увы, растревоженный мой разум не покинул и (я осознавал это) уже не покинет никогда белый жуткий призрак тех зубов. Ни темного пятнышка на поверхности, ни тени на гладкой эмали, ни единой зазубринки по краям – но краткого мига ее улыбки было достаточно, чтобы они врезались в мою память навечно. *Сейчас* я видел их даже еще более ясно, чем *тогда*. Зубы!.. Зубы!.. Они были здесь, они были там, я уже не видел ничего, кроме зубов. Они были предо мной, совершенно отчетливо, даже осязаемо; длинные, узкие и абсолютно белые, в обрамлении скорченных бледных губ, точно взор мой застиг первый, жуткий миг их появления на свет. А потом моя *мономания* обрушила на меня всю свою без-

¹⁰ Поскольку Юпитер каждую зиму дважды посылает по семь теплых дней кряду, люди стали называть эту нежную, теплую пору колыбелью красавицы Альционы» – Симонид. (*Прим. авт.*)

удержную мощь, и напрасно я пытался воспротивиться ее странному и неодолимому воздействию. Среди бесчисленного множества вещей, существующих в мире, только те зубы занимали меня. Лишь их одних я желал страстно и безотчетно. Все иные материи и все прочие интересы поглотило единственно их созерцание. Они, лишь они одни, самую суть превратились в квинтэссенцию моей мысленной жизни. Я рассматривал их при разном свете. Я представлял себе их с разных сторон. Я изучил каждую их линию. Я размышлял над их особенностями. Я постигал их структуру. Я обдумывал различие в природе каждого из них. Я содрогался, когда в мыслях наделял их способностью чувствовать и думать и даже выражать те или иные чувства без помощи губ. О мадемуазель Салле¹¹ было хорошо сказано: «*Que tous ses pas étaient des sentiments*»¹², а о Беренике я гораздо серьезнее мог сказать: «*Que toutes ses dents étaient des idées. Des idées!*»¹³ Ах, вот эта глупая мысль и погубила меня! *Des idées!* Ах, вот почему я желал их так безумно! Я чувствовал, что лишь обладание ими может меня успокоить, вернув мне разум.

За такими помыслами меня и застал вечер – потом пришла темнота, сгустилась в смоль, снова ушла – и вновь начался день – и уже туманы второго вечера начали сгущаться вокруг – и все так же я сидел без движения в пустынной комнате – и все так же был погружен в раздумья – и все так же находился под жуткой властью *phantasma*¹⁴ этих зубов, ибо они, видимые до отвращения отчетливо, плавали вокруг меня в переменчивых бликах и тенях читального зала. Затем в мои помыслы вторгся крик, подобный воплю ужаса и смятения, а за ним, после недолгой тишины, послышался ропот взволнованных голосов, перемежающихся многочисленными стенаниями, преисполненными скорби или боли. Я покинул место, где сидел, и, распахнув одну из дверей библиотеки, увидел в соседнем покое горничную, всю в слезах, которая поведала мне, что Береники... больше нет! Приступ эпилепсии охватил ее рано утром, и вот под конец вечера могила уже готова принять покойницу, и все приготовления к похоронам закончены.

* * *

Я снова в библиотеке, и снова один. Как будто пробудился от бессвязного и волнительного сна. Я видел, что теперь полночь, и знал наверняка, что на заходе солнца Береника была погребена, однако о том, что было после, за все это скорбное время, я не имел четкого да и вообще никакого представления. И все же память о нем была насыщена ужасом, ужасом оттого ужаснее, что был он неуловим, и страхом, страхом оттого страшнее, что был он неясен. То была пугающая, жуткая страница моего существования, вся измалеванная неясными, отвратительными, неразборчивыми воспоминаниями. Как ни силился я расшифровать их – тщетно; но время от времени призраком утихнувшего звука истошный, пронзительный женский визг слышался мне. Я что-то сотворил... Но что? Я задал себе этот вопрос вслух, и пустынный зал ответил, вторя мне шепчущими отголосками: «Но что?»

На столе рядом со мной горела лампа, а около нее стояла небольшая коробка. Ничего особенного в ней не было, я и раньше ее часто видел, принадлежала она семейному врачу, но как она попала *сюда*, на мой стол, и почему, когда я ее увидел, меня бросило в дрожь? Этому я не мог дать объяснения, и мой взгляд упал на раскрытую книгу и подчеркнутое предложение на ее странице. То были удивительные, но простые слова поэта Ибн-Зайата: «*Dicebant mihi sodales, si sepulchrum amicae visitarem, curas meas aliquantulum fore levatas*».

¹¹ Салле, Мари (1707–1756) – знаменитая французская артистка балета и балетмейстер.

¹² Что каждый ее шаг исполнен чувства. (Фр.)

¹³ Что все зубы ее исполнены смысла. Смысла! (Фр.)

¹⁴ Мысленный образ, призрак (лат.).

Но отчего, когда я прочитал их, волосы зашевелились у меня на голове и кровь застыла в жилах?

В дверь библиотеки тихо постучали, и в зал неслышно вошел бледный как покойник, лакей. Глаза его были полны безумного ужаса, и обратился он ко мне голосом дрожащим, хриплым и очень тихим. Что сказал он? Я расслышал несколько обрывочных предложений. Он рассказал о диком крике, потревожившем ночную тишину, о том, как слуги собрались в зале, о том, как они пошли туда, откуда слышался крик; а потом голос лакея сделался поразительно отчетливым, когда он зашептал об оскверненной могиле – о скорчившемся теле, окутанном саваном, но все еще дышащем – еще вздрагивающем – *еще живом!*

Он указал на мое облачение, оказалось, оно было в грязи и пятнах запекшейся крови. Я не промолвил ни слова, и он осторожно взял меня за руку: следы от человеческих ногтей покрывали ее. Он обратил мое внимание на предмет, прислоненный к стене. Несколько минут молча смотрел я на него: то был заступ. А потом я с криком кинулся к столу и схватил коробку. Открыть ее я не смог, но руки мои до того дрожали, что она выскользнула у меня из пальцев, тяжело упала и разлетелась на куски. Из нее со звоном высыпались несколько зубоврачебных инструментов, а перемежку с ними – тридцать два маленьких белых, точно вырезанных из слоновой кости предмета – они рассыпались по всему полу.

Метценгерштейн

*Pestis eram vivus – moriens tua mors ero.*¹⁵

*Мартин Лютер*¹⁶

Ужас и рок во все века бродили по разным странам. Так стоит ли говорить, когда произошло то, о чем я буду повествовать? Достаточно сказать, что в то время, о котором я веду рассказ, во внутренних районах Венгрии укоренилась, правда, скрытая вера в доктрины метемпсихоза. О самих доктринах, то есть об их ложности либо же об их правильности, я говорить не стану. Однако вслед за Лабрюйером¹⁷, рассуждавшим о человеческом несчастье, я утверждаю, что большая часть нашего неверия *«vient de ne pouvoir etre seule»*¹⁸.

Однако в суеверии венгров есть определенные особенности, которые граничат с абсурдом. Они (венгры) очень отличались от своих восточных правителей. К примеру, душа, утверждали первые (и тут я приведу слова одного весьма проникательного и образованного парижанина), *«ne demeure qu'une seule fois dans un corps sensible: au reste – un cheval, un chien, un home même, n'est que la ressemblance peu tangible de ces animaux»*¹⁹.

Домá Берлифитцинг и Метценгерштейн враждовали веками. Еще не было в мире, чтобы два столь блистательных рода испытывали друг к другу такую смертельную ненависть. Во время, когда произошла эта история, один старик изможденного и мрачного вида заметил, что «скорее огонь и вода сольются воедино, чем Берлифитцинг пожмет руку Метценгерштейну». Истоки этой неприязни, похоже, следует искать в словах древнего пророчества, которое гласит: «Высокое имя ждет страшное падение, когда смертность Метценгерштейнов, подобно всаднику над лошадью, восторжествует над бессмертием Берлифитцингов».

Конечно же, в самих этих словах смысла не много, если он вообще там есть, но мы-то знаем примеры, когда (причем не так давно) причины куда более заурядного характера приводили к последствиям столь же бурным. К тому же оба рода, земельные владения которых располагались рядом, с давних пор оказывали влияние на правительство. Кроме того, близкие соседи редко бывают друзьями, а обитатели замка Берлифитцинг с высоты своих величественных контрфорсов могли заглянуть прямо в окна дворца Метценгерштейнов. И более чем феодальная роскошь, обнаруживаемая таким образом, меньше всего могла унять раздражение менее родовитых и не таких богатых Берлифитцингов. Так стоит ли удивляться, что слова того предсказания, какими бы нелепыми они ни были, стали причиной непримиримой вражды между двумя семействами, и без того предрасположенными к ссоре переходящей из поколения в поколение завистью? Пророчество словно бы утверждало (если оно вообще что-либо утверждало) окончательное торжество и без того более могущественного дома, но о нем чаще и с большей горечью, что неудивительно, вспоминали представители дома менее влиятельного и сильного.

Вильгельм, граф Берлифитцинг, при всей своей высокородности, к описываемому здесь времени был уже дряхлым, выжившим из ума стариком, непримечательным ничем, кроме необузданной и закоснелой личной неприязни к семье своего соперника и до того

¹⁵ При жизни был для тебя несчастьем – умирая, буду твоей смертью. (Лат.)

¹⁶ Лютер, Мартин (1483–1546) – деятель Реформации в Германии. Основатель лютеранства.

¹⁷ Лабрюйер, Жан (1645–1696) – французский писатель-моралист.

¹⁸ Проистекает от того, что мы не умеем быть одни. (Фр.)

¹⁹ Лишь раз вселяется в живую оболочку, будь то лошадь, собака, даже человек. Впрочем, разница между ними не так уж велика. (Фр.)

страстной любви к лошадям и охоте, что ни почтенный возраст, ни дряхлость телесная и умственная не могли удержать его от опасностей ежедневных выездов на лов.

Фредерик же, барон Метценгерштейн, еще не достиг совершеннолетия. Отец его, министр Г., умер совсем молодым, и мать, госпожа Мария, вскоре последовала за ним. Фредерику в то время шел пятнадцатый год. В городе пятнадцать лет – не так уж много. Ребенок в таком возрасте может быть еще ребенком, но в глуши, в глуши столь величественной, как это овееянное веками княжество, пятнадцать лет – возраст гораздо значительнее.

Прекрасная госпожа Мария! Как *могла* она умереть? И от чахотки! Но я молюсь о том, чтобы самому пройти такой путь. Смерти от этой нежной болезни я готов пожелать всем, кого люблю. До чего славно – уйти в расцвете, когда кровь молода, когда сердце преисполнено чувств, когда воображение горит – в воспоминаниях о днях большего счастья – под конец года, чтобы быть навсегда погребенным в изумительных осенних листьях!

Вот так умерла госпожа Мария. Когда юный барон Фредерик стоял у гроба усопшей матери, рядом с ним не было родственников. Он положил ладонь на ее безмятежное чело. По хрупкому телу его не прошла дрожь, уста его не исторгли вздоха. Бессердечный, свое нравный и вспыльчивый с самого детства, к тому возрасту, о котором веду рассказ я, он пришел, познав бесчувствие, распутство и безрассудство кутежей; и в душе его давно уже пересох родник чистых помыслов и добрых воспоминаний.

Благодаря некоторым особенностям управления наследством отца юный барон вступил во владение всем огромным состоянием сразу же после его смерти. И до того мало кому из венгерских дворян доставалось такое несметное богатство. Замкам его не было счета, а красивейшим и самым большим из них был «Шато Метценгерштейн». Никто не знал наверняка, где заканчиваются принадлежащие ему земельные владения, но главный его парк простирался вокруг на пятьдесят миль.

Когда столь молодой и известный своим недобрым нравом хозяин вступил во владение отцовским наследством, ни у кого не осталось сомнений в том, какой образ жизни он будет вести. И действительно, за три дня наследник переиродил самого Ирода²⁰ и превзошел все ожидания. Отвратительные бесчинства, ужасающие оргии, неслыханные гнусности быстро заставили его повергнутых в ужас вассалов понять, что ни самое подобоострастное отношение к нему с их стороны, ни остатки его собственной совести не защитят их от безжалостных клыков этого маленького Калигулы. Вечером четвертого дня запылали конюшни замка Берлифитцинг, и безликая молва тут же приписала поджог к уже устрашающему списку чудовищных беззаконий и выходок барона.

Однако во время суматохи, вызванной этим событием, сам юный дворянин сидел, погружившись в задумчивость, в огромных и пустынных верхних покоях родового дворца Метценгерштейнов. Со всех сторон барона окружали призрачные, загадочные фигуры его славных предков, изображенные на богатых, хоть и потускневших от времени гобеленах. Здесь священники в дорогих горностаевых мехах и папские сановники рядом с тираном и самодержцем налагали запрет на желания очередного светского короля или волей понтифика умирляли самого врага рода человеческого. Высокие и смуглые князья Метценгерштейнские, своими воинственными ликами способные поразить даже самого выдержанного зрителя, восседали на могучих боевых конях, дыблящихся над телами поверженных врагов; чувственные лебединые станы высокородных дам давно минувших дней скользили в причудливом танце под звуки воображаемых мелодий.

Однако же, когда барон прислушался либо попытался прислушаться к постепенно усиливающемуся шуму в конюшнях Берлифитцинга – или, возможно, в тот миг он лишь задумался над новой хитроумной и еще более дерзкой выходкой, – взор его сам по себе

²⁰ Шекспировское выражение (см. «Гамлет», акт III, сцена 2).

устремился на огромного небывалой масти коня, изображенного на одном из гобеленов и принадлежавшего кому-то из сарацинских предков его противника. Сам конь, занимавший центральное место на гобелене, стоял неподвижно, точно изваяние, а на заднем плане его победленного седока пронзал кинжалом кто-то из Метценгерштейнов.

Уста Фредерика тронула дьявольская усмешка, когда он осознал, на что непроизвольно направились его глаза. Но он не отвел взгляда. Напротив, его вдруг охватило непонятное ему страшное волнение, которое точно балдахином накрыло все остальные чувства. Ему стоило немалых сил стряхнуть с себя оцепенение, привести в порядок смешавшиеся мысли и убедить себя, что он не спит и видит это наяву. Но чем дольше он всматривался в изображение, тем сильнее становились чары, тем труднее было ему отвести взгляд от того гобелена. Лишь когда шум за стенами дворца неожиданно усилился, он, переборов себя, увидел багровые отблески, которые пылающие конюшни отбрасывали на окна зала.

Впрочем, внимание его отвлеклось лишь на мгновение, и уже в следующий миг взор его снова обратился к стене. К его неимоверному ужасу и удивлению, голова гигантского коня изменила положение. Шея животного, до того выгнутая аркой над распростертым телом хозяина, будто в скорби, теперь была вытянута во всю длину по направлению к барону. Глаза, до того невидимые, теперь были полны энергии и смотрели по-человечьи, хоть и сверкали необычайно ярким красным огнем, а за разверзнутыми губами явно разъяренной лошади были отчетливо видны огромные и отвратительные зубы.

Не помня себя от страха, юный дворянин неверной походкой подошел к двери. Когда он распахнул ее, вспышка кровавого света очертила на колышущемся полотне четким контуром его длинную тень, и он содрогнулся, заметив, что тень, когда он замешкался ненадолго на пороге, положением и формой в точности совпала с изображением непреклонного убийцы, торжествующего над умирающим сарацином Берлифитцингом.

Чтобы отвлечься от тревожных мыслей, барон быстро вышел на свежий воздух. У главных ворот дворца он увидел трех конюших. С огромным усилием и подвергая опасности свои жизни, они удерживали мечущегося огромного коня огненно-красной масти.

– Чей конь? Откуда он у вас?! – сердитым охрипшим голосом вскричал юноша, ибо с первого взгляда понял, что загадочный жеребец из зала с гобеленами был как две капли воды похож на взбешенное животное.

– Он ваш, господин, – ответил один из конюших. – По крайней мере, никто не назвался его хозяином. Мы его поймали, когда он, исходя пеной и паром, как бешеный, выскочил из горящих конюшен замка Берлифитцинга. Подумав, что это один из заграничных коней, которых держит старый граф, мы отвели его назад. Но их конюхи никогда его раньше не видели, что очень странно, ведь по нему ясно видно, что он едва спасся от огня.

– И буквы «В. Ф. Б.» выжжены у него на лбу, – добавил второй конюший. – Конечно же, я решил, что это инициалы Вильгельма фон Берлифитцинга, да только все в замке в один голос твердят, что этот конь им не знаком.

– Необычайно странно! – произнес молодой барон с задумчивым видом, явно не осознавая смысла своих слов. – Это и вправду, как вы говорите, замечательный конь... Удивительный конь! Хотя, как вы правильно заметили, подозрительно, что у него не сыскалось хозяина. Хорошо, пусть он будет моим, – добавил он, немного подумав. – Может статься, что такой наездник, как Фредерик Метценгерштейн, сумеет усмирить даже самого дьявола из конюшен Берлифитцинга.

– Вы ошибаетесь, господин, лошадь эта, о чем мы, кажется, уже говорили, не из конюшен графа. Уж мы-то свое дело знаем, и, будь оно так, мы бы ни за что не осмелились показаться с ней на глаза никому из вашего благородного семейства.

– Конечно! – сухо отозвался барон, и в то же мгновение из дворца выбежал комнатный слуга. Был он весьма взволнован, отчего весь раскраснелся. Слуга принялся нашепты-

вать на ухо своему хозяину о неожиданном исчезновении части гобелена в спальнях покоях, не обходя вниманием самые мелкие подробности и частности, но как бы тихо он ни говорил, ничто не ускользнуло от внимания сгоравших от любопытства конюших.

Юного Фредерика за время этого доклада поочередно охватывали различные чувства, однако вскоре он овладел собой, и лицо его сковало выражение решительности и злобы, когда он властным голосом приказал немедленно запереть указанное помещение на ключ, а ключ принести ему.

– Вы уже слышали о кончине старого охотника Берлифитцинга? – обратился к барону один из его вассалов, когда после ухода слуги огромный жеребец, которого этот аристократ согласился принять, пошел, брыкаясь, прыгая и вырываясь с удвоенной силой, по длинной дороге от дворца к конюшням Метценгерштейна.

– Нет! – ответил барон, резко поворачиваясь к говорившему. – Значит, он умер?

– Совершенно верно, господин, и благородному мужу с вашей фамилией это известие, я полагаю, не покажется дурным.

По лицу барона промелькнула быстрая усмешка.

– Как он умер?

– Он, не помня себя, бросился спасать своих любимых лошадей из охотничьего выезда и сгинул в огне.

– Во-о-от ка-а-ак! – протянул барон, точно его охватила какая-то внезапная и волнующая мысль.

– Да, – ответил вассал.

– Это ужасно! – холодно бросил юноша и спокойно повернул ко дворцу.

С того дня беспутный молодой барон Фредерик фон Метценгерштейн заметно изменился. Правда, перемены эти расстроили все ожидания и разочаровали надежды многих хитроумных мамаш, к тому же новые привычки и поступки юноши не шли ни в какое сравнение с образом жизни его аристократических соседей. Он вовсе перестал показываться за пределами своих владений, но и в этих необъятных и многолюдных просторах всегда проводил время в полном одиночестве – лишь загадочный бешеный конь огненной масти, который отныне почти все время был под его седлом, по какому-то непостижимому праву мог именоваться его другом.

Впрочем, еще долго юный аристократ получал многочисленные приглашения от соседей. «Не почтит ли барон своим присутствием наши празднества?», «Не желает ли барон присоединиться к охоте на вепря?» – «Метценгерштейн не охотится», «Метценгерштейн не прибудет» – таковы следовали высокомерные, немногословные ответы.

Гордые дворяне не могли долго терпеть подобные систематические оскорбления. Приглашения становились все менее сердечными, стали приходить реже и реже, а со временем и вовсе прекратились. Поговаривали даже, что вдова несчастного графа Берлифитцинга как-то высказала уверенность, что «барон вынужден оставаться дома против своей воли, потому что он брезгает обществом себе равных, а верхом ему приходится ездить, даже когда ему этого совсем не хочется, из-за того что он предпочитает общество лошади». Несомненно, эти глупые слова были не более чем очередным примером злословия, ставшего обычным для обоих враждующих родов, и доказывали лишь то, насколько бессмысленными могут быть наши высказывания при попытках выразить что-то мудреное.

Тем не менее, настроенные более снисходительно склонны были видеть причину перемены молодого дворянина во вполне объяснимой скорби сына по безвременно почившему отцу, при этом, правда, напрочь забыв о тех бесчинствах, которыми отличалось его беспечное поведение сразу после недавней тяжелой утраты. Кое-кто заводил разговор о благородстве, о гордости и чувстве собственного достоинства, но были и такие (среди них стоит упомянуть и семейного врача), кто нимало не сомневался в том, что причина всему – смертная

тоска и унаследованное от предков слабое здоровье. И все же большинство прислушивалось к недобрым пересудам более сомнительного характера.

В самом деле, извращенная привязанность барона к недавно доставшемуся ему коню – привязанность, которая обретала все большую силу с каждым новым примером яростного и демонического нрава этого животного – со временем в глазах всех здравомыслящих людей приобрела форму отвратительной и противоестественной страсти. Под полуденным солнцем и в мертвый ночной час, в болезни и в здоровье, в спокойствии и в волнении юный Метценгерштейн был словно прибит гвоздями к седлу исполинской лошади, чья упрямая непокорность столь гармонировала с его собственным духом.

Кроме того, были и другие обстоятельства, которые в сочетании с недавними событиями придали мистический и зловещий характер мании наездника и повадкам жеребца. Расстояние, которое мог преодолеть конь за один прыжок, было тщательно измерено и оказалось таким огромным, что превзошло все, даже самые невероятные предположения. Барон к тому же так и не дал имени животному, хотя имена всех остальных лошадей в его конюшне соответствовали тем или иным их особенностям. Помимо этого, жеребцу была отведена отдельная конюшня в стороне от остальных, а что касается ухода за конем, никто, кроме самого хозяина, ни за что на свете не отважился бы не то что прикоснуться к нему, но даже близко подойти к его стойлу. Следует также заметить, что, несмотря на то что трое конюших, перехвативших коня, когда тот вырвался из объятий пламенем конюшен Берлифитцинга, сумели остановить его при помощи цепной узды и аркана, ни один из них не мог с уверенностью сказать, что во время этой опасной борьбы хотя бы раз прикоснулся к телу животного. Примеры необычайного ума в поведении благородной и горячей лошади вполне обоснованно обратили на себя внимание – особенно тех, кто ежедневно выезжал верхом на лов и не понаслышке знал о смышленности этих животных, – однако существовали и особые обстоятельства, которые принимали даже самых отъявленных скептиков и флегматиков. А еще, говорят, не раз случалось, что толпа зевак, наблюдающая за животным, в страхе подавалась назад, услышав, как глухо и многозначительно оно бьет копытом в землю; что сам юный Метценгерштейн становился блее мела и, охваченный ужасом, пятился от огненного коня, заметив, как тот умным человеческим глазом бросает на него быстрый и внимательный взгляд.

Среди всей свиты барона, однако, не было ни одного человека, кто сомневался бы в той удивительной страсти, которую вызывал в молодом дворянине горячий нрав его лошади. По крайней мере ни одного, кроме единственного невзрачного маленького пажа-калеки, чье уродство было предметом всеобщей насмешки и мнение которого не интересовало никого. Он – если его мысли вообще достойны упоминания – имел дерзость утверждать, что хозяин его всякий раз, запрыгивая в седло, почему-то едва заметно дрожал, а когда возвращался домой после ежедневных долгих выездов, каждая черточка его лица выражала преисполненное злорадства торжество.

Однажды в ненастную ночь Метценгерштейн, пробудившись от глубокого сна, точно обезумев, стремглав сбежал по лестнице вниз, запрыгнул на коня и умчался в лесные дебри. Подобное поведение с некоторых пор стало для него привычным, поэтому никто не придал этому событию особого внимания, однако возвращения хозяина домочадцы барона дожидались с необычайным волнением, ибо через несколько часов после его отъезда огромные величественные стены «Шато Метценгерштейн» затрещали и задрожали до самого основания под напором густого, яростного и безудержного пламени.

Когда пожар заметили, он достиг уже такой ужасной силы, что любые попытки спасти хоть часть здания были бессмысленны. Изумленные соседи молча и с жалостью наблюдали за буйством огня, но вскоре новый жуткий объект привлек к себе внимание большин-

ства, доказав, насколько сильнее возбуждает толпу созерцание человеческой агонии, нежели любые, даже самые страшные катаклизмы, происходящие с неодушевленной материей.

По длинной старой дубовой аллее, тянущейся от леса к главным воротам дворца Метценгерштейн, конь, несший на себе растрепанного седока с непокрытой головой, мчался во весь опор, точно демон бури, и среди оцепеневших зрителей не было никого, кто, увидев его, не вскричал бы: «О, ужас!»

Всадник, вне всякого сомнения, уже не мог управлять лошастью. Отчаяние, написанное на его лице, и конвульсивные движения явно говорили о нечеловеческом напряжении, однако ни звука, кроме одного отчаянного вопля, не слетело с его истерзанных уст, прокушенных во многих местах от страха. Миг – и вот уже неистовый грохот копыт заглушил рев огня и завывание ветра. Второй – и, перескочив одним прыжком ворота и ров с водой, конь взлетел по ходящей ходуном широкой лестнице и вместе с всадником исчез в вихре огромных мечущихся языков пламени.

В тот же миг неистовство пожара точно рукой сняло, и воцарилась мертвая зловещая тишина. Белое пламя все еще окутывало саваном здание, и из него в спокойное небо исторгся луч сверхъестественного света, а на зубчатые стены древнего дворца тяжело опустилось густое облако дыма, формой неотличимое от колоссальных размеров... лошади.

Сфинкс

Во времена, когда Нью-Йорк охватила ужасная эпидемия холеры, я принял приглашение одного своего родственника провести с ним пару недель в его уединенном уютном коттедже на берегах Гудзона. Здесь было все, что нужно для приятного летнего отдыха. Мы могли гулять по лесу, рисовать, кататься на лодках, ходить на рыбалку или купаться, слушать музыку или предаваться чтению и вообще приятно и безмятежно проводить время, если бы не ужасные новости, которые каждое утро приходили из огромного города. Не было и дня, чтобы мы не узнавали о том, что болезнь поразила кого-нибудь из наших знакомых. Затем, когда смертность повысилась, мы научились жить в ожидании утраты кого-то из друзей. Поэтому вскоре уже каждое новое появление вестника стало ввергать нас в страх. Нам стало казаться, что даже ветер, дующий с юга, несет в себе запах смерти. Сия неотступная гнетущая мысль полностью завладела мною. Я не мог ни говорить, ни думать ни о чем другом, она преследовала меня даже во сне. Хозяин мой был не таким впечатлительным человеком, как я, и, хоть и сам пребывал в довольно подавленном настроении, как мог старался подбодрить меня. Однако его тонкому философскому уму было свойственно сугубо реальное восприятие действительности. Он был знаком и с чувством страха, но без каких-либо отклонений.

Его попытки вырвать меня из состояния необычайного уныния, в которое я впал, не имели успеха, причиной чему были определенные книги, найденные мной в его библиотеке, которые могли пробудить к жизни заложенные в моей душе семена наследственных суеверий. Хозяин мой не знал, что я читал эти книги, поэтому часто не мог понять, откуда мне приходят в голову те или иные бурные фантазии.

Любимой темой наших разговоров в ту пору стала расхожая вера в плохие приметы – вера, которую в тот период своей жизни я даже почти готов был защищать. Тема эта часто становилась объектом долгих и оживленных бесед – он настаивал на совершенной беспочвенности подобной веры, я же возражал ему, доказывая, что то или иное общественное мнение, возникающее совершенно самопроизвольно (другими словами, если оно ни на чем не основано), должно содержать в себе неоспоримые элементы истины, почему и требует к себе уважения в той же степени, что и интуиция, являющаяся не чем иным, как отличительной особенностью гения.

Все это я говорю вот к чему: вскоре после моего приезда в коттедж со мной произошло нечто, настолько необъяснимое и по природе своей столь сходное с дурной приметой, что у меня были все основания всерьез посчитать это самым настоящим знамением. Случай этот потряс меня и одновременно настолько смутил и удивил, что прошло немало дней, прежде чем я решился заговорить о нем со своим другом.

Ближе к завершению необычайно жаркого дня я сидел с книгой в руке у окна, из которого открывался широкий вид на берега реки, на далекий холм, обращенную ко мне сторону которого то, что принято называть оползнем, лишило большей части деревьев. Мысли мои уже давно занимала не лежащая передо мной книга, а мрачный опустевший город. И вот, когда я поднял глаза, взгляд мой пал на голый склон холма и на некий объект – то было чудовище ужасного вида, которое быстро спускалось с вершины к основанию холма, пока наконец не скрылось внизу, в густом лесу. Как только я это увидел, первой моей мыслью было: не сошел ли я с ума или, по крайней мере, могу ли я верить собственным глазам? Прошло немало времени, прежде чем мне удалось убедить себя, что я не спятил и не сплю. Однако боюсь, читателям моим будет труднее поверить в это, чем мне самому, когда я опишу монстра, которого видел совершенно отчетливо и успел хорошо рассмотреть за время его спуска.

Приблизительно сравнив размер этого создания с диаметром стволов больших деревьев, рядом с которыми оно прошло (теми несколькими гигантами, которых не затронула ярость оползня), я пришел к выводу, что оно намного крупнее любого существующего линейного корабля. Я сравниваю его с линейными кораблями, потому что сам общий вид этого чудовища наводил на мысль о них. Форма корпуса одного из наших семидесятичетырехпушечников может довольно сносно передать общий контур его тела. Рот животного располагался на конце хобота, который в длину имел футов шестьдесят-семьдесят, а по толщине мог сравниться с телом среднего слона. Начало этого ствола было густо покрыто черной косматой шерстью (ее было больше, чем на шкурах нескольких бизонов), и из шерсти этой торчали нацеленные вниз и в стороны два блестящих клыка, напоминающих клыки дикого кабана, только несравнимо большего размера. Параллельно с хоботом, слева и справа от него, шли два гигантских образования длиной тридцать или сорок футов, по виду очень похожие на чистый кристалл и имеющие форму идеальной призмы – в них удивительно красиво отражались лучи заходящего солнца. Тело имело клинообразную форму, острым концом обращенную к земле. Из него торчало две пары крыльев (каждое длиной почти сто ярдов), причем одна пара располагалась над второй, и обе были покрыты густой сияющей металлическим блеском чешуей, каждая чешуйка – не меньше десяти-двенадцати футов в диаметре. Я заметил, что верхние и нижние слои крыльев соединялись крепкой цепью. Однако главной особенностью этого жуткого создания было изображение мертвой головы, которое сверкало белизной на его темной груди, занимая почти всю ее площадь, и было настолько четким и правдоподобным, будто его вывела кисть художника. Вглядываясь в это страшилище, и особенно в изображение у него на груди, я, охваченный ужасом и ощущением надвигающегося зла, которое не мог подавить силой разума, вдруг увидел, как громадные челюсти на конце хобота разверзлись, и из них исторгся звук столь громкий и столь скорбный, что я задрожал, точно услышав похоронный звон, и, прежде чем чудовище скрылось среди деревьев у подножия холма, без чувств рухнул на пол.

Когда я пришел в себя, первым моим побуждением было, разумеется, рассказать о том, что я увидел и услышал, своему другу, и вряд ли я смогу описать то ощущение отвращения, которое в конце концов помешало мне это сделать.

Но как-то вечером, спустя три или четыре дня после этого случая, мы сидели в той же комнате, где мне явилось это видение, – я занимал то же место у того же окна, а мой друг расположился на диване рядом. Вызванные временем и местом ассоциации побудили меня рассказать ему о странном явлении. Он выслушал мой рассказ до конца и сначала от души рассмеялся, а потом сделался необычайно серьезен, будто мое безумие не вызывало у него сомнения. Однако случилось так, что в тот миг я снова отчетливо увидел чудовище, и, крича от ужаса, указал на него. Он внимательно посмотрел туда, куда я указывал, но сказал, что ничего не видит, хотя я и описал ему во всех подробностях, как оно спускается по голому склону холма.

Теперь я встревожился не на шутку, поскольку был почти уверен, что видение это – не что иное, как знамение моей смерти, или, хуже того, предвестник помутнения рассудка. Я в отчаянии откинулся на спинку кресла и на несколько секунд закрыл лицо руками. Когда я отнял ладони от лица, видения уже не было.

Впрочем, к моему хозяину уже отчасти вернулось спокойствие, и он принялся подробно спрашивать меня о том, как выглядело это создание. Когда я полностью удовлетворил его любопытство относительно головы животного, он глубоко вздохнул, точно сбросил с себя какой-то тяжкий груз, и с совершенным спокойствием, которое показалось мне даже жестоким, принялся рассуждать о различных аспектах спекулятивной философии, теме нашей прерванной беседы. Помнится, он (среди прочего) особенно настаивал на том, что главным источником ошибок во всех умозрительных построениях было неотъемле-

мое свойство разума недооценивать или преувеличивать важность того или иного объекта вследствие неправильной оценки его отдаленности.

– К примеру, – говорил он, – для того чтобы точно установить, какое влияние на общество в целом может оказать распространение демократии, необходимо правильно себе представлять ту эпоху, когда подобное распространение может прийти к завершению. Но можете ли вы назвать хотя бы одного писателя, озаботившегося проблемами общественного уклада, который считал бы эту сторону данного вопроса заслуживающей обсуждения?

Тут он на миг замолчал, подошел к книжному шкафу и снял с полки один из учебников по естествознанию. Потом, попросив меня поменяться с ним местами (так ему лучше были видны напечатанные мелким шрифтом буквы), он занял мое кресло у окна и, раскрыв книгу, продолжил тем же тоном, что и прежде:

– Если бы не ваше подробнейшее описание чудовища, – сказал он, – я, возможно, так и не смог бы объяснить вам, что вы увидели. Но сначала, с вашего позволения, я прочитаю вам школьное описание рода *Sphinx* из семейства *Crepuscularia* класса *Insecta*, то есть насекомых. Итак: «Четыре перепончатых крыла, покрытые маленькими разноцветными чешуйками; рот в форме закрученного хоботка образован вытянутыми челюстями, по бокам от которых расположены рудиментарные жвалы и щупики. Нижняя пара крыльев соединяется с верхней жесткими волосками; усики имеют форму продолговатой булавы призматической формы; брюшко заостренное. Сфинкс Мертвая Голова часто вызывает страх у не знакомых с ним людей своей способностью издавать протяжный заунывный звук, а также узором, напоминающим символ смерти, который находится у него на щитке».

Тут он закрыл книгу, чуть подался вперед, не вставая с кресла, и принял ту же позу, в которой сидел я, когда заметил «чудовище».

– Ага, вот он! – почти сразу воскликнул мой друг. – Теперь он поднимается по холму. Признаю, это создание весьма необычно с виду! И все же оно не настолько велико и не так далеко от нас находится, как вам показалось. На самом деле оно карабкается по паутинке, которую какой-то паук протянул по окну. Я думаю, длина его – приблизительно одна шестнадцатая дюйма, и приблизительно одна шестнадцатая дюйма отделяет его от моего зрачка!

Артур Конан Дойл

Приключения Шерлока Холмса

Дело I. Скандал в Богемии

I

Для Шерлока Холмса она всегда была «Этой Женщиной». Я почти не слышал, чтобы он называл ее как-либо иначе. Как он считал, она превосходила всех представительниц своего пола, находилась на недостижимой для других женщин высоте. Нет, никаких нежных чувств к Ирен Адлер, тем более любви, он не испытывал. Любые подобные чувства были чужды его холодному, точному, выверенному и идеально сбалансированному разуму. Мне сам Холмс представлялся скорее эдакой логической мыслительной машиной, лучшей из когда-либо существовавших на земле, но уж никак не пылким влюбленным. Он никогда даже не говорил о сердечных делах, а если и говорил, то только с насмешкой, подтрунивая над собеседниками. Надо сказать, что сама по себе страсть как явление для моего друга была весьма необходимым фактором для объяснения поступков того или иного человека, понимания их мотивов. Однако опытному логике допустить вторжение этого чувства в собственный разум, в свой внутренний мир означало бы вывести из строя тончайший инструмент, требующий в обращении хирургической точности, что могло бы нарушить результаты его работы. Какая-нибудь трещинка в одной из его мощных линз или песчинка в чувствительном измерительном приборе не причинили бы Холмсу столько волнений и тревоги, сколько вызвало бы сильное чувство, вдруг всколыхнувшее его душу. И все же существовала женщина, которую он считал особенной, и этой женщиной была Ирен Адлер, особа весьма сомнительной репутации.

Последнее время я редко виделся с Холмсом. Моя женитьба отдалила нас друг от друга. Счастье, в которое я окунулся с головой, да и домашние заботы, возникающие у мужчины, когда он впервые обзаводится собственной семьей, поглотили все мое внимание. Холмс же, богемный дух которого противился любым формам светского общества, остался в нашей квартире на Бейкер-стрит, закопался в старые книги и мог неделями доводить себя кокаином до полусонного состояния. Это состояние чередовалось у него с бурными всплесками неимоверной энергии, присущей его жаждущей действий натуре. Его по-прежнему привлекали исследование и разгадка преступлений. Все свои огромные способности и выдающееся умение делать выводы он употреблял на то, чтобы находить и связывать оборванные нити, распутывая тайны, которые оказывались не по зубам полицейским сыщикам из Скотленд-Ярда. Время от времени до меня доходили кое-какие слухи о том, чем он занимался: о его поездке в Одессу в связи с убийством Трепова, о том, как он раскрыл загадочную трагедию братьев Аткинсон из Тринкомали, наконец о том, как блестяще и деликатно справился он с поручением, полученным от королевского дома Голландии. Однако, помимо этих признаков активности, о которых я, как и остальные читатели, узнавал из ежедневных газет, я мало что слышал о своем друге и бывшем соседе.

Однажды вечером, а именно двадцатого марта 1888 года, я возвращался от пациента (я тогда снова взялся за частную практику) через Бейкер-стрит. Проходя мимо столь знакомой

двери, которая всегда будет напоминать мне о том дне, когда я впервые повстречал свою будущую жену, и о мрачных обстоятельствах дела, описанного в «Этюде в багровых тонах», я вдруг ужасно захотел вновь увидеть Холмса и узнать, чем занят сейчас этот удивительный человек. В его комнате горел яркий свет, и я, пока стоял задрав голову, даже пару раз увидел его длинный узкий силуэт, промелькнувший за спущенной шторой. Он расхаживал по комнате, низко опустив голову и заложив за спину руки, и мне, человеку, досконально знающему все его привычки, сразу стало ясно: Холмс опять занят работой. Он вырвался из наркотического плена и снова взялся за какое-то загадочное дело. Я позвонил, и меня проводили наверх, в комнату, которая когда-то принадлежала и мне.

Увидев меня, он не рассыпался в приветствиях, да это вообще случилось с ним крайне редко, но все же, как мне показалось, обрадовался. После короткого приветствия он указал мне на кресло, бросил мне портсигар и кивнул на буфет с бутылками и сифон, стоящие в углу. Потом встал у горящего камина и окинул меня пронизательным взглядом.

– Семейная жизнь пошла вам на пользу, Ватсон, – сказал он. – Вы набрали семь с половиной фунтов с того дня, когда я видел вас последний раз.

– Семь! – поправил его я.

– Да, действительно. Нужно было мне еще чуть-чуть подумать. Самую малость. Вы, я вижу, снова практикуете. Ватсон, а вы не говорили мне, что собираетесь снова взяться за работу...

– Тогда как вы об этом догадались?

– Увидел и сделал выводы. Вот как, по-вашему, я узнал, что недавно вы сильно промокли и что ваша служанка – очень нерасторопная и легкомысленная особа?

– Дорогой Холмс, – сказал я, – это уж слишком. Если бы вы жили несколько веков назад, вас бы точно сожгли на костре. Я действительно в четверг выезжал за город и вернулся домой с ног до головы в грязи, но, поскольку я сменил всю одежду, мне в самом деле непонятно, как вы могли об этом догадаться. А что касается Мэри Джейн, она просто безнадежна, и моя жена уже не раз делала ей замечания, но скажите, ради Бога, как вы-то об этом узнали?

Он, тихонько посмеиваясь, соединил перед собой кончики длинных нервных пальцев.

– Что может быть проще, – сказал он. – Я вижу на внутренней стороне вашего левого ботинка, как раз на том месте, куда падает свет от огня в камине, три параллельных царапины. Наверняка они появились в результате того, что кто-то неаккуратно счищал грязь, налипшую вокруг подошвы. Отсюда и следует двойной вывод: во-первых, вы были на улице в ненастную погоду и, во-вторых, ботинки вам чистит крайне недобросовестный представитель лондонской прислуги. Что же касается вашей практики, то если ко мне в комнату входит человек, пропахший йодоформом, с черным пятнышком ляписа на указательном пальце правой руки и с шишкой на правой стороне цилиндра, где он прячет свой стетоскоп, я был бы настоящим тупицей, если бы не сообразил, что передо мной – врач, активно занимающийся своими прямыми обязанностями.

Я не мог не рассмеяться, слушая, с каким простодушным видом он объяснил мне ход своих мыслей.

– Знаете, когда вы рассказываете, – заметил я, – все кажется настолько простым, что я не понимаю, как я сам до этого не додумался. Увы, но и в следующий раз я точно так же ничего не буду понимать до тех пор, пока не услышу ваше объяснение. И это несмотря на то, что глаза у меня не хуже ваших.

– Это верно, – согласился он, закуривая сигарету и усаживаясь в кресло. – Дело в том, что вы смотрите, но не замечаете. Между этими понятиями огромная разница. Вот, например, вы много раз видели лестницу, ведущую из холла в эту комнату, да?

– Да.

– Сколько раз?

- Ну, наверное, несколько сот.
- Скажите, сколько там ступенек?
- Ступенек? Не знаю.

– Вот видите! Этого вы не заметили, хоть и смотрели на лестницу бесчисленное количество раз. Вот к чему я веду. Ну, а я знаю, что ступеней семнадцать, потому что я и смотрел, и замечал. Кстати, раз уж вас интересуют подобные вещи настолько, что вы взяли на себя труд описать некоторые из моих небольших приключений, может быть, вам будет интересно и это дело, – указал он на сложенный лист плотной розовой бумаги, который лежал на столе. – Это пришло с последней почтой, – добавил Холмс. – Прочитайте вслух.

На письме не стояло ни даты, ни имени, ни адреса.

«Сегодня вечером, без четверти восемь, – говорилось в нем, – вас навестит джентльмен, который хотел бы услышать ваш совет по одному чрезвычайно важному делу. Услуги, которые вы недавно оказали одной из королевских фамилий Европы, показали, что вам можно доверять дела исключительной важности. Такой отзыв о вас все источники нам дают. Ждите в своей квартире в обозначенное время и не удивляйтесь, если ваш посетитель будет в маске».

– Действительно, загадка какая-то, – заметил я, прочитав письмо. – Что, по-вашему, это значит?

– У меня пока нет данных. Делать выводы, не имея данных, – грубая и частая ошибка. Так постепенно человек приходит к тому, что начинает подгонять факты под уже существующие выводы, вместо того чтобы делать выводы из фактов. Но давайте посмотрим на само письмо. Какие выводы вы можете сделать, прочитав его?

Я внимательно всмотрелся в почерк, оценил бумагу.

– Тот, кто его написал, – сказал я, пытаюсь мыслить по-холмсовски, – человек скорее всего не бедный. Пачка такой бумаги стоит не меньше полкроны. Она необычно прочная и плотная.

– Слово «необычная» больше всего подходит для этого случая, – сказал мой друг. – Эта бумага изготовлена не в Англии. Посмотрите через нее на свет.

Я сделал то, что он просил, и увидел водяные знаки в виде букв. Сначала большая «Е», рядом с ней маленькая «g», далее «P» и за ней большая «G» и маленькая «t».

– Что это, по-вашему? – спросил Холмс.

– Имя изготовителя, несомненно. Вернее, его монограмма.

– Ошибаетесь. Прописная «G» со строчной «t» – означают слово «Gesellschaft», «компания» по-немецки. Это стандартное сокращение наподобие нашего «К^о». Далее. «P», разумеется, от слова «Papier». Теперь «Eg». Заглянем в географический справочник. – Он снял с полки увесистый том в коричневой обложке. – Так. Посмотрим, что у нас есть. *Eglow*²¹, *Eglonitz*... Нашел! *Egria*. Это небольшая германоязычная местность в... Богемии, недалеко от Карлсбада. Почитаем: «Известна многочисленными расположенными на ее территории стекольными заводами, бумажными фабриками и тем, что именно здесь погиб Валленштейн». Ха-ха, замечательно. Что вы на это скажете? – Глаза Холмса вспыхнули, с торжествующим видом он выпустил из сигареты огромное сизое облако дыма.

– Бумага изготовлена в Богемии, – сказал я.

– Совершенно верно. А человек, написавший это письмо, – немец. Вы обратили внимание на необычное построение предложения «Такой отзыв о вас все источники нам дают»? Француз или русский так бы не написал. Только немцы могут так непочтительно относиться к глаголам. Нам остается только выяснить, чего хочет этот немец, который пишет на бумаге,

²¹ Еглов – маленький остров на Онежском озере рядом с островом Кижы в Карелии (Россия).

изготовленной в Богемии, и предпочитает скрывать лицо под маской. А вот, если не ошибаюсь, и он, сейчас все наши сомнения развеются.

В этот миг с улицы донесся стук копыт и грохот колес на булыжной мостовой, после чего требовательно затрещал звонок на входной двери. Холмс присвистнул.

– Судя по звуку, пара, – сказал он. – Так и есть, – добавил он, выглянув в окно. – Отличный брум и пара отличных лошадей по полторы сотни гиней. Это дело пахнет деньгами, Ватсон.

– Наверное, мне лучше уйти, Холмс?

– Вовсе нет, доктор. Оставайтесь. Мне как-то не по себе без своего Босуэлла. Дело обещает быть интересным. Жаль будет его пропустить.

– Но ваш клиент...

– О нем не переживайте. Мне может понадобится ваша помощь, и ему, следовательно, тоже. Но я слышу, он уже поднимается. Садитесь в кресло, доктор, и внимательно слушайте.

Приближающиеся по лестнице медленные тяжелые шаги неожиданно оборвались прямо за дверью, после чего к нам громко и властно постучали.

– Входите! – крикнул Холмс.

В комнату шагнул богатырского телосложения мужчина, не меньше шести футов и шести дюймов ростом. Одет он был богато, но столь роскошный наряд у нас в Англии сочли бы дурновкусием. Рукава и воротник его двубортного плаща были оторочены каракулем, а темно-синяя накидка на плечах, подбитая ярко-красным шелком, скреплялась у шеи брошью из крупного огненного берилла. Высокие, до середины икры сапоги, отделанные сверху коричневым мехом, дополняли картину варварской пышности, которую создавал весь его вид. В руке он держал широкополую шляпу, верхнюю половину лица его закрывала полумаска, которую он явно натянул только что, потому что, входя, все еще поправлял ее. Судя по нижней части лица, это был человек сильного характера: толстая выпяченная нижняя губа и длинный острый подбородок наводили на мысль о решительности, граничащей с упрямством.

– Вы получили мою записку? – спросил он низким, грубым голосом с сильным немецким акцентом. – Я заранее поставил вас в известность о своем визите. – Он переводил взгляд с меня на Холмса, очевидно не понимая, к кому обращаться.

– Прошу вас, присаживайтесь, – пригласил Холмс. – Это мой друг и коллега доктор Ватсон. Он иногда помогает мне в работе. С кем имею честь разговаривать?

– Можете называть меня графом фон Краммом, богемским дворянином. Этот джентльмен, ваш друг, думаю, человек честный и благоразумный, и я могу доверить ему тайну чрезвычайной важности. Если это не так, я бы очень хотел говорить с вами наедине.

Я поднялся, чтобы уйти, но Холмс взял меня за руку и рывком усадил обратно.

– Либо вы будете разговаривать с нами обоими, либо ни с кем, – сказал он. – При этом джентльмене вы можете говорить совершенно откровенно.

Граф пожал широкими плечами.

– Тогда я начну с того, – сказал он, – что возьму с вас слово ближайшие два года хранить в строжайшей тайне все то, что вы сейчас услышите. По истечении этого срока это уже не будет иметь значения. Но сейчас не будет преувеличением сказать, что на карту поставлено будущее всей Европы.

– Даю слово, – сказал Холмс.

– Я тоже.

– Прошу меня простить за то, что я скрываю свое лицо, – продолжил наш странный посетитель. – Августейшая особа, на которую я работаю, изъявила желание, чтобы вам не было известно, кто представляет его интересы. Могу признаться, что титул, который я назвал, на самом деле мне не принадлежит.

– Я догадался, – сухо обронил Холмс.

– Обстоятельства дела очень деликатные, необходимо сделать все возможное, чтобы не дать вспыхнуть грандиозному скандалу, который может серьезно скомпрометировать одну из царствующих фамилий Европы. Не стану скрывать, речь идет о доме Ормштейнов, наследных королей Богемии.

– Об этом я тоже догадался, – побормотал Холмс, откидываясь на спинку кресла и закрывая глаза.

Посетитель наш изумленно воззрился на человека, с безразличным видом откинувшегося в кресле в расслабленной позе, которого ему, несомненно, рекомендовали как самого проницательного и энергичного частного сыщика во всей Европе. Холмс медленно раскрыл глаза и выжидающе посмотрел на своего могучего клиента.

– Если Ваше Величество сосредоточится на деле, – проговорил он, – мне будет значительно проще вам помочь.

Мужчина вскочил и, охваченный сильнейшим волнением, стал ходить по комнате. Потом с жестом отчаяния сорвал с лица маску и швырнул ее на пол.

– Вы правы, – воскликнул он. – Да, я – король. Зачем это скрывать?

– Действительно, зачем? – хмыкнул Холмс. – Еще до того, как Ваше Величество произнесли первые слова, я уже знал, что имею честь принимать у себя Вильгельма Готтсрайха Сигизмунда фон Ормштейна, великого герцога Кассель-Фельштайнского, наследного короля Богемии.

– Но вы должны понимать, – сказал наш необычный посетитель, снова усаживаясь в кресло и проводя рукой по высокому бледному лбу, – должны понимать, что я не привык лично заниматься подобными делами. Однако вопрос настолько серьезен, что я не мог доверить его решение никому другому, не подставив себя под удар. Я прибыл инкогнито из Праги специально, чтобы получить вашу консультацию по этому делу.

– Так изложите мне его, – сказал Холмс, снова закрывая глаза.

– Вкратце факты таковы: около пяти лет назад, во время продолжительного визита в Варшаву, я познакомился с известной авантюристкой Ирен Адлер. Это имя вам, несомненно, должно быть знакомо.

– Доктор, будьте добры, поищите в картотеке, – не открывая глаз, произнес Холмс.

Он уже много лет собирал и упорядочивал сведения о людях и событиях, которые прямо или косвенно могли иметь отношение к его профессии, поэтому трудно было представить себе, чтобы в этих стенах было произнесено имя, на которое не оказалось бы соответствующей записи в его картотеке. Биографию Ирен Адлер я отыскал между биографиями какого-то иудейского раввина и одного капитана, написавшего монографию о глубоководных рыбах.

– Так-с, посмотрим, – сказал Холмс. – Хм! Родилась в Нью-Джерси в 1858 году. Контральто... хм! «Ла Скала», хм! Примадонна императорской оперы в Варшаве... так-так. Оставила оперную сцену... ха! Живет в Лондоне... ну разумеется! Ваше Величество, насколько я понимаю, завязали с этой молодой особой определенные отношения, написали ей несколько откровенных писем и теперь желали бы получить эти письма обратно.

– Совершенно верно. Но как...

– Вы тайно обвенчались?

– Нет.

– Никаких официальных бумаг или документов, указывающих на вашу связь, не существует?

– Нет.

– В таком случае я не совсем понимаю Ваше Величество. Если эта особа решит шантажировать вас этими письмами или использовать их для каких-то других целей, как она сможет доказать их подлинность?

– Но почерк!

– Подделка!

– Моя личная бумага!

– Украдена.

– Моя печать!

– Фальшивая.

– Моя фотография!

– Куплена.

– Но на ней мы изображены вдвоем.

– О-о... Это очень плохо. Ваше Величество действительно допустили большую оплошность.

– Я тогда сходил с ума... Обезумел.

– Вы сильно скомпрометировали себя.

– Тогда я был лишь кронпринцем. Мальчишкой. Мне сейчас только тридцать.

– Фотографию нужно вернуть.

– Мы пытались, но ничего не вышло.

– Вашему Величеству нужно заплатить. Выкупить ее.

– Она ее не продает.

– Тогда ее надо выкрасть.

– Было сделано пять попыток. Дважды в ее дом вламывались нанятые мной воры. Один раз, когда она путешествовала, мы выкрали и обыскали ее багаж. Дважды на нее нападали грабители. И никаких результатов.

– Совсем никаких?

– Совершенно.

Холмс рассмеялся.

– Интересное дельце! – воскликнул он.

– Для меня это очень серьезно, – с укоризной сказал король.

– Да, очень. И зачем же ей нужна эта фотография?

– Чтобы погубить меня.

– Каким образом?

– В скором времени я собираюсь жениться.

– Я об этом слышал.

– На Клотильде Лотман фон Сакс-Менингенской, младшей дочери короля Скандинавии. Возможно, вам известно, какие строгие правила царят в этой семье. Сама Клотильда очень чувствительный человек. Даже тень сомнения относительно моего прошлого может помешать нашему браку.

– А Ирен Адлер?

– Угрожает послать им фотографию. И она это сделает! Вы ее не знаете, у нее железный характер. Природа наделила ее лицом прекраснейшей из женщин и решительностью отважного мужчины. Чтобы не дать мне жениться на другой, она не остановится ни перед чем...

– Вы уверены, что она еще не послала фотографию?

– Уверен.

– Почему?

– Потому что сказала, что пошлет ее в тот день, когда о моей помолвке будет сообщено официально. Это произойдет в следующий понедельник.

– А, так у нас еще три дня в запасе, – облегченно произнес Холмс. – Это очень хорошо, потому что у меня на сегодня намечена еще пара-тройка важных дел. Ваше Величество, разумеется, пока останется в Лондоне?

– Конечно. Я остановился в гостинице «Лэнгхэм» под именем графа фон Крамма.

– Тогда я пошлю вам записку о том, как у нас пойдут дела.

– Да, пожалуйста. Я буду ее ждать.

– Хорошо. Деньги?

– У вас карт-бланш.

– Я не ограничен?

– За эту фотографию я готов отдать одну из провинций своего королевства!

– А текущие расходы?

Король достал из-под плаща увесистый замшевый мешочек и положил его на стол.

– Здесь триста фунтов золотом и семьсот ассигнациями, – сказал он.

Холмс черкнул расписку на листке из своей записной книжки и, передавая ее королю, спросил:

– По какому адресу проживает мадемуазель?

– Брайени-Лодж, Серпентайн-авеню, Сент-Джонс-Вуд.

Холмс записал адрес.

– И еще один вопрос. Это фотография кабинетного формата?

– Да.

– Что ж, до свидания, Ваше Величество. Надеюсь, в скором времени у вас появятся хорошие новости. Спокойной ночи и вам, Ватсон, – добавил он, когда королевский брум отъехал от дома. – Если зайдете завтра в три, я с удовольствием обсужу с вами это дельце.

II

Ровно в три часа я был на Бейкер-стрит, но Холмса дома не застал. Хозяйка сообщила мне, что он ушел еще в начале девятого. Я уселся у камина с намерением дожидаться его, когда бы он ни вернулся. Меня это дело очень заинтересовало, несмотря на то что в нем не было ничего общего с теми двумя загадочными и страшными преступлениями, которые я описал раньше. Однако сама суть этой загадки и то возбужденное состояние, в котором пребывал клиент Холмса, придавали этому делу необычный характер. Да и, кроме предстоящего расследования, мастерство моего друга, его умение удивительно быстро овладевать ситуацией и на основании тщательных наблюдений и простой логики делать поразительные по своей точности выводы зачаровывали меня. Изучать систему его работы и приемы, с помощью которых он в два счета распутывал сложнейшие загадки, для меня было настоящим удовольствием. Я так привык к его постоянному успеху, что мысль о возможности неудачи даже не приходила мне в голову.

На часах было почти четыре, когда неожиданно отворилась дверь и в комнату нетрезвой походкой вошел грум, грязный, с засаленными бакенбардами, красной физиономией и в каких-то обносках. Мне, хоть я и знал об удивительной способности моего друга с помощью грима изменять свою внешность до неузнаваемости, пришлось три раза внимательно осмотреть его с ног до головы, прежде чем убедиться, что это действительно он. Кивнув мне в знак приветствия, он удалился в свою комнату, откуда вышел через пять минут чистый, аккуратно причесанный, в твидовом костюме. Усевшись в стоящее у камина кресло, он вытянул к огню ноги и весело рассмеялся.

– Ну и дела! – спустя несколько минут сказал он, после чего снова расхохотался и не мог остановиться до тех пор, пока, обессилев, в полном изнеможении не откинулся на спинку кресла.

– Что с вами, Холмс?

– Простите меня, Ватсон, просто вы ни за что не угадаете, как я провел это утро и чем мне в итоге пришлось заниматься.

– Даже представить себе не могу. Наверное, наблюдали за мисс Ирен Адлер или за ее домом.

– Верно, я с этого начал, но закончилось все очень необычно. Сейчас я вам расскажу. Утром я в начале девятого вышел из дому под видом грума, шатающегося без работы. Понимаете, все лошадики с большой симпатией и сочувствием относятся друг другу. Если вы – один из них, вы легко раздобудете любую нужную вам информацию. Очень скоро я узнал, где находится Брайени-Лодж. Эта чудесная небольшая двухэтажная вилла с садом на заднем дворе. Фасадом она выходит прямо на дорогу, на калитке чаббовский замок. В правой части дома – большая гостиная, с хорошей мебелью, на огромных, почти до пола, окнах – примитивные английские замки, которые даже ребенок откроет. На втором этаже ничего примечательного, кроме того что до окна коридора очень легко можно добраться с крыши каретного сарая. Я обошел кругом весь дом, все внимательно осмотрел, но больше не увидел ничего интересного. Потом я прошелся вниз по улице, и, как и ожидал, увидел старые конюшни, стоящие рядами вдоль одной из стен, окружающих сад. Я помог конюхам почистить лошадей, за что получил от них два пенса, стакан разбавленного виски, два щипка махорки и исчерпывающую информацию как о мисс Адлер, так и о дюжине ее соседей, которые меня совершенно не интересуют, но чьи биографии мне пришлось выслушать.

– И что же вы узнали об Ирен Адлер? – спросил я.

– О, она покорила сердца всех мужчин, живущих в том районе. На нашей планете это самое очаровательное существо из тех, которые носят платье и шляпку. Так, по крайней мере, говорят конюхи с улицы Серпентайн-авеню. Она живет тихо, выступает на концертах, каждый день в пять часов выезжает на прогулку и возвращается к ужину точно в семь. Редко покидает дом в другое время, кроме тех случаев, когда поет. В ее дом приходит только один мужчина, но бывает у нее часто. Он темноволос, красив и элегантен, навещает мисс Адлер как минимум раз в день, а то и чаще. Это мистер Годфри Нортон из «Иннер темпла». Иметь в информаторах кучеров очень выгодно. Они много раз возили его с Серпентайн-мьюз домой и знают о нем все. Выслушав их рассказ, я с ними попрощался и снова стал прохаживаться вдоль Брайени-Лодж, обдумывая план действий.

Годфри Нортон – немаловажная фигура в этом деле. Он адвокат, что уже говорит само за себя. Что их связывает и зачем он так часто приезжает? Кто для него мисс Адлер: клиент, друг, любовница? Если первое, то скорее всего она дала фотографию ему на хранение. Если последнее, то это маловероятно. От ответа на этот вопрос зависело, нужно ли мне продолжать работать в Брайени-Лодж или стоит переключить внимание на дом этого джентльмена в Темпле. Это обстоятельство заслуживало особого внимания, поскольку расширяло поле моего расследования. Боюсь, что все эти подробности уже утомили вас, но, чтобы понять ситуацию, вам нужно знать, какие небольшие трудности мне пришлось преодолеть.

– Нет-нет, я внимательно слежу за вашим рассказом, – ответил я.

– Пока я взвешивал все за и против каждого из вариантов, к Брайени-Лодж подкатил экипаж, и из него выпрыгнул молодой человек. Красивый, смуглый, с орлиным носом и с усами. Вероятно, это был тот самый джентльмен, о котором я слышал. Судя по всему, он очень спешил, потому что, приказав кучеру ждать, бросился в дом мимо открывшей дверь служанки так, будто приехал к себе домой.

Внутри он пробыл около получаса, и я несколько раз через окна гостиной видел, как он взволнованно ходит по комнате, что-то говорит и возбужденно размахивает руками. Хозяйки видно не было. Наконец он вышел, спеша, судя по всему, даже больше прежнего. Ступив на подножку экипажа, он вынул из кармана золотые часы, озабоченно посмотрел

на них и крикнул кучеру: «Гони что есть духу! Сначала к “Гросс-и-Хэнке” на Риджент-стрит, потом на Эджвеар-роуд к церкви Святой Моники. Успеешь за двадцать минут – получишь полгиней!» И они умчались. Я стоял, размышляя, стоит ли последовать за ними, когда на улице показалось небольшое изящное ландо. У кучера пальто было застегнуто наполовину, узел галстука съехал под ухо. Ремни упряжи торчали из застёжек в разные стороны. Не успело ландо остановиться, как сама мисс Адлер выпорхнула из дома и нырнула в него. Я успел лишь мельком ее увидеть. Это настоящая красавица, с таким лицом, за которое мужчине и умереть не жалко. «К церкви Святой Моники, Джон, – крикнула она. – Получите полсоверена, если доедем за двадцать минут». Такой шанс нельзя было упускать, Ватсон. Я на какую-то секунду задумался, что лучше – побежать следом или незаметно прицепиться к ее ландо сзади, но тут на улицу выехал кеб. Кучер его выглядел еще неопрятнее предыдущего, но я вскочил в экипаж, прежде чем он успел что-либо возразить, и крикнул: «К церкви Святой Моники. Получите полсоверена, если доедете за двадцать минут». Было без двадцати пяти двенадцать, и, разумеется, понять, что происходит, было несложно.

Мой кебмен гнал, как ветер, не думаю, что я когда-либо ездил быстрее, но остальные все же приехали на место раньше меня. Подъехав к церкви, я увидел и экипаж, и ландо, стоящие рядом у входа, от их взмысленных лошадей валил пар. Заплатив кучеру, я бросился внутрь. Там не было ни души, за исключением тех двоих, кого я преследовал, и священника, который, судя по его удивленному виду, о чем-то с ними спорил. Они стояли тесной группкой у алтаря. Я тихо прошел в угол и сел в сторонке, как обычный прохожий, случайно зашедший в церковь, но тут, к моему великому изумлению, все трое одновременно повернули головы в мою сторону, и ко мне торопливо направился Годфри Нортон.

«Слава Богу! – воскликнул он. – Вы подойдете. Идемте! Идемте со мной!»

«В чем дело?» – спросил я.

«Да идите же. Всего три минуты, прошу вас».

Он чуть ли не силой подтащил меня к алтарю, и я опомниться не успел, как уже мямлил какие-то клятвы, которые мне шепотом произносились на ухо, и ручался за вещи, о которых ровным счетом ничего знал, в общем, всячески помогал соединить священными узами брака Ирен Адлер и Годфри Нортон. Через какую-то минуту с одной стороны меня уже благодарили джентльмен, с другой – леди, а спереди сиял улыбкой служитель алтаря. В более нелепую ситуацию я не попадал никогда в жизни. Мысль о ней и заставила меня рассмеяться. Скорее всего у них не были выполнены какие-то формальности, и священник отказывался соединять их браком без свидетеля, но тут, к счастью, появился я, так что им не пришлось идти на улицу, чтобы искать себе шафера. Невеста вручила мне золотой соверен, и я собираюсь носить его на цепочке часов в память об этом событии.

– Да, крайне неожиданный поворот событий, – сказал я. – А что было потом?

– Планы мои, естественно, были разрушены. Все шло к тому, что счастливая пара должна была уехать вместе, а мне требовалось быстро и решительно принять необходимые меры. Однако, выйдя из церкви, они расстались. Он отправился в Темпл, а она – к себе домой. «В пять, как обычно, я поеду в парк», – сказала она, прощаясь с ним. Больше я ничего не услышал. Они разъехались в разные стороны, а я отправился заниматься своими приготовлениями.

– И в чем они заключаются?

– Кусок холодной говядины и бокал пива, – сказал Холмс, дернув колокольчик. – Я был слишком занят, чтобы думать о еде, а вечером буду занят еще больше. Кстати, доктор, я бы хотел, чтобы вы мне помогли.

– С удовольствием.

– Вы не боитесь нарушить закон?

– Нисколько.

– А если вас арестуют?

– Согласен, если это нужно для доброго дела.

– О, дело стоящее.

– Тогда можете мною располагать.

– Я не сомневался, что смогу на вас положиться.

– Но что я должен буду делать?

– Дождемся миссис Тэнер с подносом, и я вам все объясню. Итак, – сказал он, с аппетитом поглядывая на нехитрую снедь, приготовленную хозяйкой. Мне придется есть и разговаривать одновременно, потому что у меня мало времени. Уже почти пять. Через два часа нам уже нужно быть на месте. Мисс Ирен, вернее, теперь уже мадам, с прогулки возвращается в семь. Мы должны быть в Брайени-Лодж, чтобы встретить ее.

– А потом?

– Об этом не беспокойтесь. Я уже все подготовил. Я настаиваю только на одном: что бы ни произошло, не вмешивайтесь. Поняли?

– То есть я должен оставаться в стороне?

– Просто ничего не делайте. Возможно, случится какая-нибудь неприятность, но вы не вмешивайтесь. Меня проводят в дом. Через четыре-пять минут в гостиной откроется окно. Вам надо подойти к нему поближе.

– Ясно.

– Меня будет видно в окно, поэтому вы должны за мной наблюдать.

– Хорошо.

– Когда я подниму руку – вот так, вы бросите в окно то, что я вам дам, и закричите: «Пожар!» Все понятно?

– Абсолютно.

– Ничего опасного тут нет, – сказал он, доставая из кармана длинный сигарообразный сверток. – Это обычная дымовая шашка, такие используют трубочисты, проверяя трубы каминов. Она с обоих концов снабжена самовоспламеняющимися капсулями. Больше вам ничего делать не нужно. Ваш крик подхватят люди. После этого вы пройдете до конца улицы, где я присоединюсь к вам через десять минут. Надеюсь, все понятно?

– Мне нужно ни во что не вмешиваться, стоять рядом с окном, наблюдать за вами и по вашему сигналу забросить в дом этот предмет. Потом я должен буду поднять крик о пожаре и ждать вас в конце улицы.

– Все верно.

– Что ж, можете на меня рассчитывать. Я выполню все в точности.

– Замечательно. А мне пора уже готовиться к новой роли.

Он удалился в свою комнату, откуда через несколько минут вышел симпатичный простоватый служитель нонконформистской церкви. Широкополая черная шляпа, мешковатые штаны, белый галстук, располагающая улыбка, внимательный взгляд и общее выражение искреннего благожелательного любопытства сделали бы честь самому мистеру Джону Хэйру. Холмс не просто сменил костюм. Лицо, манера держать себя, даже, казалось, его внутренний мир менялся с каждой новой ролью, которую он играл. Сцена утратила великого актера, а наука – гениального мыслителя в тот день, когда он ступил на стезю борьбы с преступностью.

Мы вышли из дома на Бейкер-стрит в четверть седьмого, но на Серпентайн-авеню все же оказались за десять минут до назначенного времени. Начинало смеркаться, один за одним загорались уличные фонари, когда мы прогуливались недалеко от Брайени-Лодж в ожидании хозяйки. Здание было точно таким, каким представлялось мне по краткому описанию Шерлока Холмса, но район, в котором оно располагалось, против ожидания оказался вовсе не таким тихим. Для такой небольшой улочки здесь было на удивление оживленно.

На углу стояла группка бедно одетых мужчин, которые курили и смеялись, чуть поодаль точильщик ножниц сидел за своим колесом, тут же двое гвардейцев флиртовали с молодой нянькой, и по улице прохаживались несколько щегольского вида молодых людей с сигарами в зубах.

– Видите ли, – заметил Холмс, когда мы уже в который раз проходили перед интересующим нас домом, – эта свадьба значительно упростила дело. Теперь фотография становится палкой о двух концах. Отныне для Ирен Адлер будет так же нежелательно, чтобы снимок увидел мистер Годфри Нортон, как и нашему клиенту – чтобы она оказалась в руках его принцессы. Вопрос заключается в том, где искать фотографию?

– И правда, где?

– Вряд ли Ирен носит ее с собой. Фотография велика, такую не спрячешь в женском платье. К тому же ей известно, что король может подстроить нападение грабителей. Две подобных попытки уже были. То есть можно смело утверждать, что фотографию с собой она не носит.

– Так где же она?

– У ее банкира или адвоката. Возможен и тот, и другой вариант, но я их считаю маловероятными. Женщины по природе – существа скрытные и любят окружать себя маленькими тайнами. Зачем ей отдавать фотографию в чужие руки? Она может доверять своему избраннику, но ей неизвестно, какое политическое или другое воздействие может быть оказано на него как на делового человека. Кроме того, не забывайте, что она приняла решение пустить ее в ход в ближайшие дни. Нет, фотография должна всегда находиться у нее под рукой. Она хранит ее у себя дома.

– Но дом же два раза обыскивали!

– Это ни о чем не говорит. Они не умеют искать.

– А как вы собираетесь ее искать?

– Я не собираюсь ее искать.

– Тогда что же?

– Я сделаю так, что она сама покажет мне, где спрятана фотография.

– Но она не захочет!

– У нее не будет выбора. Однако я слышу стук колес. Это ее экипаж. Прошу вас, выполните в точности мои указания.

Как только он произнес эти слова, из-за угла выехало небольшое ландо изящных очертаний с горящими боковыми фонарями. Экипаж с грохотом подкатил к двери Брайени-Лодж. Когда он остановился, один из оборванцев, праздно стоящих на углу, бросился открывать дверцу, надеясь заработать монетку, но его оттолкнул другой бездельник явно с тем же намерением. Мгновенно вспыхнула перебранка, к которой сразу же подключились двое гвардейцев, вставших на сторону одного из зачинщиков, и точильщик, принявшийся с не меньшим жаром защищать второго. В мгновение ока ссора переросла в драку, и леди, вышедшая из экипажа, оказалась в гуще дерущихся. Ее со всех сторон окружили разгоряченные мужчины, лупившие друг друга кулаками и палками. Холмс бросился в толпу, чтобы защитить женщину, но, едва он успел до нее добраться, как вдруг, вскрикнув, упал с залитым кровью лицом. Гвардейцы бросились бежать в одном направлении, оборванцы – в другом, а к месту происшествия ринулись более прилично одетые люди (до этого смотревшие на потасовку со стороны), чтобы помочь леди и оказать помощь раненому. Ирен Адлер – я по-прежнему буду называть ее так – взбежала по лестнице, но остановилась у самой двери и обернулась. Красоту ее фигуры эффектно подчеркивал свет, струящийся из холла.

– Этот бедный джентльмен сильно ранен? – спросила она.

– Он умер, – зашумели в толпе.

– Нет-нет, жив еще, – послышался чей-то голос, – но до больницы не дотянет.

– Какой храбрый! – сказала одна из женщин. – Если бы не он, они бы точно у леди отняли кошелек и часы. Это банда, они специально все подстроили! Ах, смотрите, он дышит!

– Нельзя же его на улице оставлять. Можно его занести в дом, мадам?

– Конечно. Перенесите его в гостиную, там удобный диван. Сюда, пожалуйста!

Холмса бережно подняли и внесли в гостиную Брайени-Лодж, я за всем происходящим наблюдал со своего места у окна. В гостиной горел свет, но шторы не были закрыты, поэтому мне было отлично видно, что происходит внутри. Не знаю, что тогда творилось в душе Холмса, который лежал на диване с видом умирающего, но я еще никогда не испытывал более сильного угрызения совести, чем в ту минуту, когда видел эту прекрасную женщину, в заговоре против которой участвовал, и то, с каким неподдельным волнением и участием она склонилась над раненым. Но все же не выполнить указания Холмса было бы настоящим предательством по отношению к нему. Крепя сердце я достал из-под ольстера²² дымовую шашку. В конце концов, мы же не собираемся причинять ей вреда. Наоборот, мы хотим помешать причинить вред другому.

Холмс сел на диване и замахал руками, как человек, которому не хватает воздуха. Как только служанка бросилась открывать окно, я увидел, что он условным сигналом поднял руку. Забросив в дом шашку, я крикнул: «Пожар!» Тут же собравшаяся разношерстная толпа – люди приличного вида и оборванцы, джентльмены, конюхи, служанки – подхватила крик, тревожные возгласы «Пожар! Пожар!» уже слышались со всех сторон. Дым густыми клубами начал заполнять комнату и повалил из открытого окна. Я успел заметить, что по комнате заматались фигуры, и услышал голос Холмса, который призывал всех успокоиться, поскольку тревога была ложной.

Пробившись сквозь толпу, я направился к углу улицы. Через десять минут я облегченно вздохнул, когда ко мне подошел Холмс и мы торопливым шагом направились прочь от места заварухи. Мой друг шел молча, пока мы не свернули на какую-то тихую улочку, выходящую на Эджвээр-роуд.

– Благодарю вас, доктор, вы все выполнили точно. Все в порядке, – заговорил он.

– Фотография у вас?

– Я знаю, где она.

– Как же вы это узнали?

– Как я и говорил. Она сама показала мне.

– Простите, но я до сих пор ничего не понимаю.

– Не буду вас томить, – весело рассмеялся он. – Все очень просто. Вы, конечно, догадались, что все эти люди на улице были подставными. Я их нанял.

– Это я понял.

– Когда началась свалка, у меня в руке был зажат небольшой сосуд с красной краской. Я бросился вперед, упал, хлопнул себя рукой по голове и превратился в раненого. Это старый трюк.

– Это я тоже понял.

– Потом меня внесли в дом. Ей пришлось разрешить это сделать. Разве могла она поступить иначе? Как я и ожидал, меня отнесли в гостиную. Фотография могла быть спрятана либо в гостиной, либо в спальне, и мне предстояло выяснить, где именно. Меня положили на диван, потом я сделал вид, что мне не хватает воздуха, им пришлось открыть окно, и вы получили возможность выполнить мои указания.

– И как вам это помогло?

²² Длинное просторное дорожное пальто из грубошерстного сукна, часто с поясом и капюшоном – название от исторической области на севере Ирландии.

– О, если бы не вы, все мои старания оказались бы напрасными. Когда в доме пожар, женщина инстинктивно бросается спасать то, что для нее дороже всего. Это непреодолимый импульс, и я не раз использовал его в своих целях. Например, в Дарлингтоне в скандале с подделкой или в нашумевшем деле в замке Арнсворт. Замужняя женщина мчится к ребенку, незамужняя хватается шкатулку с драгоценностями. Я понимал, что для нашей леди в доме не было ничего дороже фотографии, которую мы взялись найти. Она должна была броситься спасать именно ее. Спектакль с пожаром был разыгран идеально. Дым, крики, тут любой заволновался бы, даже человек со стальными нервами. И она повела себя так, как я и рассчитывал. Фотография находится в небольшом тайнике за сдвигающейся панелью, сразу над шнурком с колокольчиком для вызова слуг, с правой стороны камина. Я даже успел увидеть ее уголок, когда она доставала ее из тайника. Потом я крикнул, что тревога ложная, она положила фотографию на место, посмотрела на дымовую шашку и выбежала из комнаты. Больше я ее не видел. Я встал, извинился за доставленные хлопоты и ушел. Я хотел было взять фотографию сразу, но тут в комнату вошел ее кучер и так подозрительно на меня посмотрел, что я решил с этим повременить. Любые необдуманные действия могут погубить все дело.

– И что теперь? – спросил я.

– Дело почти закончено. Завтра мы с королем и с вами, если вы захотите присоединиться к нам, нанесем еще один визит в этот дом. Дождаться леди нас посадят в гостиной, но, скорее всего, когда она выйдет, ни нас, ни фотографии там уже не будет. Его Величеству, возможно, будет приятно извлечь фотографию из тайника собственными руками.

– В какое время вы собираетесь туда прийти?

– В восемь утра. Вряд ли она встает так рано, поэтому у нас будет достаточно времени. Хотя, конечно, нельзя забывать, что эта свадьба могла полностью изменить образ ее жизни и привычки, поэтому действовать нужно быстро. Надо как можно скорее телеграфировать королю.

За разговором мы не заметили, как добрались до Бейкер-стрит. Стоя у двери, Холмс в поисках ключа начал шарить рукой по карманам, как вдруг у нас за спиной кто-то произнес:

– Добрый вечер, мистер Шерлок Холмс!

Мы разом обернулись. В ту секунду на улице было несколько человек, но слова эти скорее всего произнес невысокий молодой человек в ольстере, который, не оборачиваясь, торопливо пошел дальше.

– Хм, знакомый голос, – произнес Холмс, взглянув в тускло освещенную улицу. – Черт возьми, кто бы это мог быть?

III

Той ночью я спал на Бейкер-стрит. Утром, когда мы сидели за кофе с гренками, в комнату ворвался король Богемии. Он схватил Холмса за плечи и, пристально всматриваясь ему в глаза, воскликнул:

– Вы ее раздобыли?

– Пока нет.

– Но надежда есть?

– Да, надежда есть.

– Так идемте же! Я сгораю от нетерпения.

– Сперва нужно найти кеб.

– В нашем распоряжении мой экипаж.

– Что ж, это упрощает дело.

Мы спустились и, не теряя времени, снова направились к Брайени-Лодж.

- Ирен Адлер вышла замуж, – заметил Холмс.
- Как вышла замуж? Когда?
- Вчера.
- Но за кого?
- За английского адвоката по фамилии Нортон.
- Но она не любит его?
- Надеюсь, что все же любит.
- Почему же вы так на это надеетесь?
- Потому что это может гарантировать Вашему Величеству спокойствие в будущем.

Если леди любит своего мужа, следовательно, она не может любить Ваше Величество. Если она не любит Ваше Величество, то я не вижу причин, по которым она хотела бы помешать вашим планам.

– Действительно. Но все же... Эх! Как бы мне хотелось, чтобы она была мне ровней! Какая бы из нее вышла королева! – Он замолчал и больше не проронил ни слова до тех пор, пока мы не приехали на Серпентайн-авеню.

Дверь Брайени-Лодж была открыта. На пороге стояла пожилая женщина. Пока мы выходили из экипажа, она наблюдала за нами с какой-то ехидцей в глазах.

- Надо полагать, мистер Шерлок Холмс? – спросила она.
- Да, я – мистер Холмс, – недоуменно ответил мой друг, вопросительно глядя на нее.
- Хозяйка предупредила меня, что вы можете нанести нам визит. Сегодня утром она с мужем уехала на континент. Их поезд ушел в четверть шестого с Чаринг-кросского вокзала.
- Что? – От досады и удивления мой друг даже отступил на шаг и побледнел как полотно. – Вы имеете в виду, что она покинула Англию?

- Да, и не собирается возвращаться.
- А как же бумаги? – осипшим голосом воскликнул король. – Все пропало!

– Посмотрим! – Холмс бросился мимо служанки в дом и напрямик направился в гостиную. Мы с королем последовали за ним. Мебель в комнате была вся передвинута, полки сняты со стен, ящики выдвинуты, словно леди второпях рылась в них перед тем, как покинуть дом. Холмс бросился к камину, сорвал небольшую панель со стены рядом с шнурком звонка, сунул в открывшийся тайник руку и извлек оттуда фотографию и письмо. На фотографии была изображена Ирен Адлер в вечернем платье. Письмо было подписано: «Шерлоку Холмсу, эсквайру». Мой друг вскрыл конверт, и мы вдвоем принялись читать письмо, датированное минувшей ночью, было указано и время: полночь. Вот что в нем говорилось:

«Дорогой мистер Шерлок Холмс!

Вы все сделали прекрасно. Вам удалось меня провести. Я ни о чем не догадывалась до тех пор, пока не подняли тревогу о пожаре. Но потом, поняв, что я себя выдала, я начала думать. Несколько месяцев назад меня предупредили, что мы с Вами можем встретиться, и дали Ваш адрес. Мне сказали, что, если король решит нанять частного сыщика, он непременно обратится именно к Вам. И все же Вам удалось заставить меня открыть то, что Вы хотели узнать. Даже после того, как я заподозрила неладное, мне было трудно поверить, что тем милым добрым священником были Вы. Но, знаете, я ведь сама актриса. Носить мужской костюм я привыкла. Я часто пользуюсь той свободой, которую он дает. Послав кучера Джона следить за Вами, я побежала наверх, переделалась в прогулочную одежду, как я ее называю, и спустилась как раз тогда, когда Вы вышли из дома.

Я проследовала за Вами до вашей двери и убедилась, что мною действительно заинтересовался знаменитый Шерлок Холмс. Потом я

довольно неблагоприятно пожелала Вам спокойной ночи и направилась в Темпл к мужу. Вместе с ним мы решили, что, имея такого сильного противника, как Вы, нам лучше всего бежать из страны, так что завтра, наведавшись ко мне, Вы увидите, что гнездо опустело. Что касается фотографии, Ваш клиент может быть спокоен. Я люблю и люблю человека человеком достойнее, чем он. Король может делать то, что ему заблагорассудится, не опасаясь препятствий со стороны той, кого он жестоко обманул. Фотографию я оставляю у себя с единственной целью – обеспечить собственную безопасность, это оружие защитит меня от тех действий, которые он, возможно, решит предпринять в будущем. Взамен я оставляю другую фотографию, которую он, может быть, захочет оставить себе. Я же, дорогой мистер Шерлок Холмс, остаюсь искренне Вашей.

Ирен Нортон, урожденная Адлер».

– Какая женщина! Какая женщина! – вскричал король, когда мы дочитали это послание. – Разве я не говорил вам, как она умна и решительна! Из нее вышла бы замечательная королева. Разве не жаль, что она мне не ровня?

– Судя по тому, что я успел узнать, она действительно не ровня Вашему Величеству, – холодно сказал Холмс. – Прошу прощения, что мне не удалось добиться большего успеха в деле Вашего Величества.

– Напротив, дорогой сэръ! – сказал король. – Большого успеха и не надо. Я знаю, что ее слово нерушимо. Теперь можно не бояться этой фотографии, она так же безопасна, как если бы сгорела.

– Я очень рад, что Ваше Величество так считает.

– Моя благодарность не знает границ. Прошу, скажите, как я могу отблагодарить вас? Думаю, этот перстень... – Он стянул с пальца украшенный изумрудом золотой перстень и протянул его на раскрытой ладони Холмсу.

– У Вашего Величества есть вещь, которая для меня будет иметь большую ценность, – сказал Холмс.

– Вам нужно только назвать ее.

– Эта фотография!

Король изумленно уставился на него.

– Фотография Ирен? – переспросил он. – Конечно, если вы так хотите, она ваша.

– Благодарю вас, Ваше Величество. Думаю, дело можно считать закрытым. На этом позвольте попрощаться и пожелать вам всего доброго. – С этими словами Холмс, не заметив протянутой королем руки, развернулся и направился к выходу. Я последовал за ним.

Такова история о том, как королевскому семейству Богемии удалось избежать ужасного скандала, и о том, как хитроумные планы мистера Шерлока Холмса были расстроены женской смекалкой. Раньше он частенько острил относительно женского ума, но после этого происшествия подобных шуток я от него не слышал. Теперь всякий раз, когда Холмс говорит об Ирен Адлер или о ее фотографии, я слышу, какого уважения преисполнен его голос, произносящий слова «Эта Женщина».

Дело II. Союз рыжих

Однажды осенью прошлого года я, зайдя к своему другу Шерлоку Холмсу, застал его за беседой с немолодым краснолицым джентльменом плотного телосложения, волосы кото-

рого были необычайно яркого рыжего цвета. Извинившись за вторжение, я хотел было уйти, но Холмс чуть ли не силой втащил меня в комнату и закрыл за мной дверь.

– Дорогой Ватсон, вы пришли как нельзя более вовремя, – радушно сказал он.

– Но я подумал, что вы заняты.

– Занят, и даже очень.

– Так я могу подождать в другой комнате.

– Ни в коем случае. Мистер Вилсон – обратился он к своему гостю, – с этим джентльменом мы много раз работали вместе, он помогал мне во многих моих самых успешных делах. Я не сомневаюсь, что и в вашем деле его помощь также может оказаться чрезвычайно полезной.

Толстяк привстал со стула и кивнул в знак приветствия. Его маленькие, теряющиеся на заплывшем жиром лице глазки недоуменно блеснули.

– Устраивайтесь на диване, – предложил мне Холмс, сам же опять уселся в свое любимое кресло и сложил перед собой кончики пальцев, как делал всегда, когда собирался кого-то слушать. – Ватсон, я знаю, что вы, как и я, любите все необычное и выходящее за рамки повседневной рутины. Если бы это было не так, вы не проявили бы такого рвения, описывая мои скромные приключения, хотя, если честно, по-моему, вы несколько приукрашиваете мою деятельность.

– Ваш талант действительно вызывает у меня восхищение и интерес, – заметил я.

– Вы наверняка помните, как недавно, как раз перед тем, как мы взяли за оказавшееся совсем простым дело мисс Мэри Сазерленд, я говорил, что любая фантазия или игра воображения не идет ни в какое сравнение с теми удивительными и фантастическими случаями, которые встречаются в реальной жизни.

– И с этим утверждением я позволил себе не согласиться.

– Не согласились, доктор, но вам все равно придется принять мою точку зрения, поскольку в противном случае я начну перечислять столько фактов, что не закончу до тех пор, пока вы вынуждены будете признать, что я прав. Вот, например, мистер Джабез Вилсон сейчас пришел ко мне с интереснейшей историей. Я уже давно не слышал такого удивительного рассказа. Я много раз говорил, что самыми сложными и необычными чаще всего бывают не серьезные и громкие, а мелкие преступления, когда даже не совсем понятно, совершено ли вообще правонарушение. Судя по тому, что мне известно на данный момент, я не могу однозначно утверждать, является ли это дело преступлением или нет. Мистер Вилсон, я был бы вам очень признателен, если бы вы повторили свой рассказ. Дело не только в том, что мой друг доктор Ватсон не слышал начала истории, но и в том, что дело это настолько необычное, что я хотел бы лишней раз обратить внимание на все, даже мельчайшие подробности. Как правило, как только мне начинают описывать то или иное происшествие, в моей памяти тут же всплывают тысячи подобных случаев, но сейчас я вынужден признать, что ваше дело уникально.

Тучный клиент Холмса не без гордости расправил плечи и достал из внутреннего кармана пальто грязную, скомканную газету. Когда он расправил газету на коленях и низко опустил голову, вчитываясь в колонку объявлений, я получил возможность его хорошенько рассмотреть. Мне захотелось с помощью метода Холмса по одежде и внешности этого человека понять, что он из себя представляет, чем занимается, какой у него характер. Увы, внешний осмотр почти не принес результатов. Посетитель наш был самым обычным английским торговцем: тучный, напыщенный, неторопливый. На нем были свободные серые брюки в мелкую клетку, расстегнутый на груди не слишком опрятный черный сюртук и желтовато-серый жилет с тяжелой медной цепочкой, на которой болтался просверленный посередине какой-то металлический квадратик. На стуле рядом с ним лежали светло-коричневое пальто с мятым бархатным воротником и старый потертый цилиндр. В общем, как показалось мне, в этом

человеке не было ровным счетом ничего примечательного, кроме его огненно-рыжих волос и выражения крайней досады и растерянности на лице.

От глаз Шерлока Холмса не укрылось мое занятие. Увидев мое замешательство, он улыбнулся и покачал головой.

– Я о нем ничего не могу сказать, кроме очевидного: когда-то этот человек занимался физическим трудом, предпочитает нюхательный табак, он масон, бывал в Китае и в последнее время много пишет.

Мистер Джабез Вилсон встрепенулся. Палец, которым он водил по газетным строчкам, замер, а взгляд устремился на Холмса.

– Святые небеса, откуда вы все это узнали? – ошеломленно спросил он. – Как, например, вы догадались, что я занимался физическим трудом? Это сущая правда, я ведь действительно начинал судовым плотником.

– По вашим рукам, дорогой мой сэра. Правая рука у вас крупнее левой. Именно ею вы работали, поэтому мышцы на ней развиты сильнее.

– Ну хорошо, а нюхательный табак, а масонство?

– О, догадаться об этом было так легко, что тут и рассказывать нечего. Особенно если учесть, что вы, в нарушение строгих правил ордена, носите брошь с изображением арки и циркуля.

– Ах да, как я не догадался? Ну, а то, что я пишу?

– На что же еще могут указывать лоснящаяся полоса шириной пять дюймов у вас на правом рукаве и потертость у локтя на левом рукаве, в том месте, которым вы опираетесь о стол?

– Хорошо, а как вы узнали про Китай?

– Татуировка рыбы у вас на правом запястье могла быть сделана только в Китае. Я какое-то время изучал татуировки и даже кое-что написал на эту тему. То, как чешуя рыбы окрашена более светлыми чернилами, характерно для китайской школы татуировки. Ну, а когда я увидел у вас на цепочке часов китайскую монету, тут уж все стало окончательно ясно.

Мистер Джабез Вилсон громко рассмеялся.

– Надо же! – сказал он. – А мне-то сначала показалось, что вы просто волшебник какой-то. Вот, оказывается, как все просто!

– Ватсон, – повернулся ко мне Холмс. – Я начинаю думать, что мне стоит отказаться от объяснений. Как говорится, «*Omne ignotum pro magnifico*»²³. Я рискую потерять имя, если не перестану откровенничать. Вы нашли нужное объявление, мистер Вилсон?

– Ага, вот, – ткнул толстяк пухлым рыжим пальцем в середину колонки. – Как раз нашел. Вот с чего все началось. Сэр, лучше прочитайте его сами.

Я взял у него газету и прочитал:

«СОЮЗУ РЫЖИХ. В соответствии с завещанием покойного Иезекии Хопкинса, проживавшего в городе Лебанон, Пенсильвания, США, открыта новая вакансия для членов Союза. Должность номинальная, оклад – 4 фунта стерлингов в неделю. Приглашаются все рыжеволосые, здоровые физически и психически люди старше двадцати одного года. Обращаться к Дункану Россу в контору Союза, в понедельник, в одиннадцать часов, по адресу Флит-стрит, Попс-корт, 7».

– Что, скажите на милость, это значит? – воскликнул я, дважды перечитав объявление.

Холмс тихонько засмеялся и заерзал в кресле – верный признак того, что у него хорошее настроение.

²³ Все неизвестное представляется величественным – фраза из книги «Жизнь и нравы Юлия Агрипполлы», римского историка Тацита (ок. 58 – ок. 117).

– Несколько необычно, не так ли? – сказал он. – А теперь, мистер Вилсон, мы готовы слушать вас. Расскажите нам все о себе, о вашей семье и том, как это объявление повлияло на вашу жизнь. Но сначала вы, доктор, обратите внимание на название газеты и дату ее выхода.

– «Морнинг кроникл», 27 апреля 1890 года. Прошло уже два месяца.

– Очень хорошо. Мистер Вилсон, прошу вас.

– Ну, как я уже говорил, – начал Джабез Вилсон, потирая лоб, – я держу небольшой ломбард на Кобург-сквер, рядом с Сити. Заведение небольшое и в последние годы никакого дохода не приносит. Раньше я держал двух работников, теперь оставил одного. Мне бы и с ним пришлось распрощаться, но, чтобы продолжать учиться профессии, он согласен работать за половину оклада.

– Как же зовут этого трудолюбивого молодого человека? – спросил Шерлок Холмс.

– Винсент Сполдинг. И он не так уж молод. Не берусь точно определить его возраст, но он отлично справляется со своими обязанностями. Лучшего помощника мне и не нужно, мистер Холмс. Я не сомневаюсь, что с его расторопностью он мог бы зарабатывать вдвое больше, чем плачу ему я, но, если его все устраивает, зачем мне сбивать его с толку?

– И правда, зачем? Вам, похоже, повезло заполучить хорошего работника за небольшие деньги. В наше время это случается нечасто. Хотя я, конечно, не знаю, действительно ли он так хорош, как вы его описываете.

– Ну, у него, разумеется, есть и недостатки, – сказал мистер Вилсон. – Например, его увлечение фотографией, я считаю, переходит всяческие границы. Он повсюду шныряет со своим аппаратом, а потом мчит в подвал, как заяц в нору, проявлять снимки. Мне это не нравится, но, в общем, он хороший работник. Ответственный, без гонора.

– Он, надо полагать, и сейчас у вас работает?

– Да, сэр. Он и девушка четырнадцати лет, которая готовит и прибирается в доме, вот и все мое окружение. Видите ли, я вдовец, детей у меня нет. Мы втроем живем очень тихо, сами содержим свой дом, в долги стараемся не влезать. Но тут появилось это объявление. Ровно восемь недель назад Сполдинг вошел в контору с этой самой газетой в руках и сказал:

«Мистер Вилсон, какая жалость, что я не рыжий».

«Это еще почему?» – спрашиваю я.

«Да вот, – говорит, – в Союзе рыжих новая вакансия. Платят огромные деньги. Вот повезет тому, кто туда устроится. Похоже, вакансий там больше, чем людей, и хозяева просто не знают, на что тратить свои деньги. Если бы только мои волосы могли по моей воле менять цвет, уж я бы не упустил такого случая».

«Расскажите-ка, что это за история такая», – спросил я.

Видите ли, мистер Холмс, я ужасный домосед. Поскольку работа у меня такая, что мне никуда ходить не надо, клиенты сами приходят ко мне, и я иногда по несколько недель не высовываю носа из дому и не знаю, что творится вокруг. Поэтому мне всегда интересно услышать какие-нибудь новости.

«Вы что, никогда не слышали о Союзе рыжих?» – удивился он.

«Никогда».

«Надо же! А ведь вы сами могли бы туда устроиться».

«И что, у них можно хорошо заработать?» – спросил я.

«Ну, вообще-то, не так уж много, пару сотен в год, зато и делать ничего особо не надо, и никто в твои дела не сует носа».

Я думаю, вы понимаете, как я наострил уши, ведь у меня-то последние несколько лет дело не клеится и лишняя пара сотен была бы очень кстати.

«Расскажите-ка подробнее про этот Союз», – попросил его я.

«Да вот, – он сунул мне газету и показал объявление, – сами можете убедиться, у них появилось свободное место. Тут и адрес указан, так что, если хотите разузнать все подробнее, сходите туда. Мне только известно, что Союз был основан эксцентричным американским миллионером Иезекией Хопкинсом. Он сам был рыжим и очень сочувственно относился ко всем рыжим. Когда Хопкинс умер, оказалось, что он поручил своим доверенным лицам огромное состояние пустить на то, чтобы обеспечивать хорошими рабочими местами рыжеволосых. Судя по тому, что я слышал, платят им прекрасно, а делать почти ничего не надо».

«Но ведь на такое объявление наверняка откликнутся миллионы людей», – сказал я.

«Нет, – возразил он. – Работа предоставляется только лондонцам и только совершеннолетним. Этот американец начинал в Лондоне и хотел облагодетельствовать этот старый город. К тому же мне рассказывали, что на работу не принимаются ни светло-рыжие, ни темно-рыжие, только те, у кого волосы настоящего огненного ярко-рыжего цвета. Вот вы, мистер Вилсон, если бы захотели, подошли бы идеально. Но вам-то, наверное, из-за какой-то пары сотен не захочется тратить свое время».

Да, джентльмены, как видите, волосы у меня действительно очень насыщенного и яркого цвета. Я и подумал, что если бы дошло до какого-нибудь конкурса, у меня шансов было бы больше, чем у кого бы то ни было. В общем, я решился. Откладывать дело в долгий ящик я не стал, велел закрыть ставни и отправился по адресу, указанному в объявлении. Винсент Сполдинг так много знал обо всем этом, что я решил и его прихватить с собой на всякий случай. Надо сказать, неожиданный выходной его очень обрадовал. Знаете, мистер Холмс, я еще никогда не видел такой удивительной картины. Со всех сторон по объявлению стекались люди, в волосах которых был хоть какой-то намек на рыжину. Флит-стрит была просто забита рыжими, а Попс-корт стал похож на огромный прилавок торговца апельсинами. Я не думал, что во всей Англии живет столько рыжих, сколько собралось по одному этому объявлению! Там были все оттенки рыжего цвета: соломенный, лимонный, оранжевый, кирпичный, были волосы с подпалинами, как у ирландского сеттера, приехали даже шатены и русые, но, как и говорил Сполдинг, настоящих огненно-рыжих голов было не много. Когда я увидел все это море людей, я хотел развернуться и уйти, но Сполдинг меня удержал. Как это ему удалось, не знаю, но он стал пробиваться, работать локтями, протискиваться, и в конце концов мы с ним прошли через толпу и оказались прямо у лестницы, ведущей в контору. Здесь люди двигались двойным потоком: в одном люди поднимались в надежде получить заветное место, в другом – разочарованно спускались. Мы каким-то образом протиснулись вперед и через какое-то время оказались в конторе.

– Забавная история с вами приключилась, – заметил Холмс, когда его клиент ненадолго замолчал, чтобы освежить память огромной понюшкой табаку. – Прошу, продолжайте, нам крайне интересно узнать, что же дальше.

– В конторе не было ничего, кроме пары деревянных стульев и письменного стола, за которым сидел маленький человечек, еще более рыжий, чем я. Он задавал пару вопросов каждому из подходивших и непременно находил какой-нибудь предлог, чтобы отказать. Как оказалось, получить место было вовсе не так уж просто. Однако, когда очередь дошла до нас, человечек повел себя по-другому. Когда мы вошли, он закрыл за нами дверь, чтобы беседовать без посторонних.

«Это мистер Джабез Вилсон, – представил меня мой помощник. – Он хотел бы получить место в Союзе».

«И он идеально подходит нам, – ответил служащий. – Он отвечает всем нашим требованиям. Не помню, когда в последний раз видел такую красоту».

Он отошел на шаг и, склонив голову набок, стал рассматривать мои волосы так, что мне, честно говоря, даже сделалось немного неловко. Потом он неожиданно шагнул ко мне, схватил мою руку, затряс ее и горячо поздравил с успехом.

«Колебаться не имеет смысла, – сказал он. – Вы, я уверен, простите меня за то, что мне придется принять кое-какие меры предосторожности».

С этими словами он вцепился обеими руками мне в волосы и потянул, да так сильно, что я даже вскрикнул от боли.

«У вас на глазах выступили слезы, – воскликнул он, отпуская меня. – Значит, все в порядке. Понимаете, нам приходится быть начеку: нас уже дважды обманули при помощи париков и один раз – при помощи краски. Я мог бы вам такого порассказать о человеческой хитрости и лживости, что вы навсегда утратили бы уважение к людям».

Он подошел к окну и во весь голос закричал, что место уже занято. С улицы донесся разочарованный стон толпы. Люди стали расходиться, и вскоре во всей округе не осталось ни одного рыжего, кроме меня и служащего конторы.

«Меня зовут мистер Дункан Росс, – представился он. – И я сам являюсь пенсионером фонда нашего многоуважаемого благодетеля. Вы женаты, мистер Вилсон? У вас есть дети?»

Я ответил, что нет.

Он тут же изменился в лице.

«Черт побери, – мрачно произнес он. – Это очень нехорошо. Как жаль. Фонд ведь и создавался в первую очередь для того, чтобы рыжих становилось все больше, с этой целью мы их и поддерживаем материально. То, что вы – холостяк, очень, очень нехорошо».

Тут, мистер Холмс, я решил, что вакансии мне, скорее всего, не видать, но, подумав какое-то время, он все-таки сказал, что все обойдется.

«Знаете, если бы на вашем месте был кто-нибудь другой, – заявил он, – это досадное обстоятельство оказалось бы решающим, но для человека с такими волосами, как у вас, мы сделаем исключение. Когда вы сможете приступить к исполнению своих новых обязанностей?»

«Понимаете, мне несколько неловко, но у меня еще есть свое дело», – сказал я.

«Ничего страшного, мистер Вилсон! – заявил Винсент Сполдинг. – Я могу вас подменить».

«А в какое время нужно будет работать?» – спросил я.

«С десяти до двух».

Должен вам сказать, мистер Холмс, что у нас, ростовщиков, вся основная работа приходится на вечер, особенно по четвергам и пятницам, за день до выплат, поэтому я решил, что неплохо бы мне немного подзаработать по утрам. К тому же я знал, что у меня есть распорочный помощник, который всегда меня заменит.

«Это меня вполне устраивает, – сказал я. – А как с оплатой?»

«Четыре фунта в неделю».

«И что мне нужно будет делать?»

«О, работа чисто номинальная».

«Что вы имеете в виду?»

«Вам просто необходимо будет все время находиться в конторе или хотя бы в этом здании. Если уйдете – потеряете место. В завещании об этом особенно четко сказано. Если в рабочее время вы покинете контору, это будет означать, что вы не выполнили наших требований».

«Речь ведь идет лишь о четырех часах в день. Думаю, я справлюсь».

«Никакие уважительные причины не принимаются, – сказал мистер Дункан Росс. – Ни болезни, ни дела, ничего. Вы либо находитесь на месте, либо теряете должность».

«Так что же мне нужно будет делать?»

«Переписывать “Британскую энциклопедию”. Вот первый том. Вам необходимо иметь при себе чернила, перья и бумагу. Работать будете за этим столом. Завтра можете приступить?»

«Конечно», – ответил я.

«Тогда всего доброго, мистер Джабез Вилсон, и позвольте еще раз поздравить вас с удачным вступлением в должность».

Мы раскланялись, и по пути домой меня охватила такая радость, что я просто не понимал, что делать, не мог даже толком ничего сказать своему помощнику. Весь день я размышлял над тем, что произошло, и под вечер настроение мое снова ухудшилось. Я убедил себя в том, что все это – какая-то гигантская афера или мистификация, хотя мне было совершенно не понятно, с какой целью кому-то нужно было ее затевать. Кроме того, мне стало казаться совершенно невероятным, чтобы кто-нибудь действительно оставил подобное завещание и что мне действительно будут платить такие деньги за такую ерундовую работу, как переписывание «Британской энциклопедии». Винсент Сполдинг изо всех сил старался приободрить меня, но, ложась спать я уже твердо решил, что не стану впутываться в это сомнительное дело. Но наутро я все же подумал, что стоит хотя бы раз туда сходить, осмотреться. Я купил за пенни пузырек чернил, перо, семь листов писчей бумаги и направился в Попс-корт.

И, что бы вы думали, оказалось, что меня не обманывали. Я очень удивился и обрадовался, когда увидел приготовленное для меня рабочее место и мистера Дункана Росса, который дожидался моего прихода. Он тут же выдал мне первый том и велел начинать с буквы «А», после чего ушел, но потом время от времени приходил справляться, как у меня идут дела. В два часа он похвалил меня за то, как много я успел сделать, попрощался и запер за мной дверь конторы кабинета. Так шло изо дня в день, мистер Холмс, а в субботу он выложил передо мной четыре золотых соверена за неделю работы. Так же прошла и следующая неделя, и та, которая была после нее. Каждый день я был на месте в десять и каждый день уходил в два. Постепенно мистер Дункан Росс начал навещать меня все реже, потом и вовсе перестал. Но я, конечно же, все равно не решался покидать кабинет даже на секунду, потому что мой работодатель мог нагрянуть в любой момент, а работа была такой хорошей и так меня устраивала, что мне очень не хотелось ее потерять.

Так прошло восемь недель. Я уже переписал «Аббатов», «Амуницию», «Артиллерию», «Архитектуру» и «Аттику» и надеялся в скором времени приступить к следующей букве алфавита. Надо сказать, я исписал целую гору бумаги. Мои рукописи заняли почти целую полку, но тут всему пришел конец.

– Конец?

– Да, сэр. И случилось это не далее как сегодня утром. Я, как обычно, пришел на работу ровно в десять, но увидел, что дверь в контору заперта на ключ. Прямо посередине двери была прикреплена кнопкой картонка с объявлением. Вот она, можете сами прочитать.

Он протянул кусочек плотной бумаги размером с лист записной книжки, на котором было написано:

СОЮЗ РЫЖИХ
РАСПУЩЕН.
9 октября, 1890 года.

Мы с Холмсом уставились на это короткое объявление и скорбное лицо посетителя, но постепенно комическая сторона ситуации возобладала над всеми остальными чувствами, и мы разразились неудержимым смехом.

– Не понимаю, что тут смешного? – вспыхнул наш рыжеволосый клиент и стал подниматься. – Если вы вместо помощи собираетесь надо мной насмеяться, я могу обратиться к кому-нибудь другому.

– Нет-нет! – бросился усаживать его Холмс. – Ваше дело настолько необычно, что я ни за что на свете не отказался бы от него. Просто есть в нем нечто, если позволите так выразиться, забавное. Прошу вас, расскажите, что вы сделали после того, как увидели эту вывеску на двери?

– Я был потрясен, сэр. Я не знал, что делать. Потом мне пришла в голову мысль зайти в соседние конторы, но там никто ничего не знал. Наконец я пошел к домовладельцу (он бухгалтер, живет на первом этаже) и попросил его рассказать, что случилось с Союзом рыжих. Он сказал, что никогда не слышал о таком обществе. Тогда я спросил, кто же такой Дункан Росс. Он ответил, что это имя ему не знакомо.

«Ну как же, – сказал я, – джентльмен из четвертой квартиры».

«А, это рыжий джентльмен?»

«Да».

«Так его зовут Уильям Моррис, – объяснил он. – Он адвокат, временно снимал у меня помещение, пока не будет готова его новая контора. Вчера он выехал».

«Где же его найти?»

«В его новой конторе, очевидно. Он и адрес мне назвал. Да, Кинг-Эдуард-стрит, 17, рядом с собором Святого Павла».

Я тут же направился по указанному адресу, мистер Холмс, но когда я туда добрался, оказалось, что в этом доме расположена какая-то протезная мастерская и никто там и слыхом не слыхивал ни про мистера Уильяма Морриса, ни про мистера Дункана Росса.

– Что же вы предприняли после этого? – спросил Холмс.

– Ничего. Вернулся домой на Сакс-Кобург-сквер и рассказал обо всем своему помощнику. Конечно, ничем помочь он не мог, предположил только, что, наверное, меня известят по почте. Но меня это не удовлетворило. Я не хочу просто так лишаться этого места. Я слышал, что вы помогаете советом людям, которые попадают в неприятные ситуации, поэтому сразу пришел к вам.

– И поступили очень мудро, – сказал Холмс. – Ваше дело уникально, я с радостью им займусь. Из того, что вы сообщили, я делаю вывод, что все это может закончиться серьезнее, чем могло показаться вначале.

– Куда уж серьезнее! – вздохнул Джабез Вилсон. – Я лишился четырех фунтов в неделю.

– Что касается вас лично, – заметил Холмс, – мне кажется, что вам не стоит так уж расстраиваться из-за этого странного общества. Наоборот, благодаря ему, если я правильно понимаю, вы сделали богаче примерно на тридцать фунтов, не говоря уж о том, что приобрели обширнейшие знания о предметах, названия которых начинаются на букву «А». Вы ведь ничего не потеряли?

– Ничего, сэр. Но я хочу узнать, что это были за люди и зачем им понадобилось так надо мной... шутить. Если это была шутка, то очень дорогая, она обошлась им в тридцать два фунта.

– Мы попытаемся найти ответы на ваши вопросы. Но сначала я хотел бы кое-что спросить у вас, мистер Вилсон. Этот ваш помощник, который показал вам объявление в газете... Сколько он у вас проработал?

– На тот момент около месяца.

– Как он к вам попал?

– По объявлению.

– Он был единственным претендентом?

– Нет, пришло человек десять.
– Почему вы выбрали именно его?
– Он показался мне смышленным и был согласен работать за небольшое жалованье.
– На полставки?
– Да.
– Опишите этого Винсента Сполдинга.
– Невысокий, коренастый, очень подвижный, на лице – ни волосинки, хотя ему уже под тридцать. На лбу у него белое пятно от ожога кислотой.

Холмс взволнованно выпрямился.

– Я так и думал, – воскликнул он. – А вы не заметили, у него проколоты мочки ушей?
– Заметил, сэр. Он объяснил, что это сделала цыганка, когда он был еще очень юным.
– Хм! – Холмс задумчиво откинулся на спинку кресла. – Скажите, он все еще работает у вас?

– О да, сэр, он был там, когда я уходил к вам.

– А как шли дела в вашем ломбарде, пока вас не было?

– Да все как обычно. У нас ведь по утрам всегда затишье.

– Ну что же, мистер Вилсон, думаю через день-два я буду иметь удовольствие сообщить вам свои соображения по этому делу. Сегодня суббота, надеюсь, к понедельнику мы все будем знать.

– Ватсон, – сказал Холмс, когда наш посетитель ушел, – что вы обо всем этом думаете?

– Я ничего не понимаю, – откровенно признался я. – Для меня это полнейшая загадка.

– Как правило, – сказал Холмс, – чем более странным кажется дело, тем проще оно оказывается. Сложнее всего раскрывать заурядные, ничем не примечательные преступления, так же, как труднее всего распознать в толпе лицо, лишенное особых примет. Но с этим случаем нужно разобраться побыстрее.

– И что вы собираетесь делать? – спросил я.

– Курить, – ответил он. – Это задача на три трубки. Я был бы вам очень признателен, если бы вы минут пятьдесят со мной не разговаривали.

Он сел поглубже в кресло, подтянул ноги к своему орлиному носу и, закрыв глаза, замер. Его черная глиняная трубка походила на клюв какой-то невиданной птицы. Вскоре мне начало казаться, что он заснул, я и сам начал клевать носом, но тут он неожиданно ударил ладонью по подлокотнику кресла, как человек, пришедший к окончательному решению, вскочил и положил свою трубку на каминную полку.

– Сегодня в Сент-Джеймс-Холле играет Сарасате, – сказал он. – Что скажете, Ватсон? Ваши пациенты отпустят вас на несколько часов?

– Сегодня я без работы. У меня не слишком большая практика.

– Тогда надевайте шляпу. Идем. Сперва мне нужно заглянуть в Сити, а по дороге где-нибудь пообедаем. В программе много немецкой музыки, а она мне больше по душе, чем итальянская или французская. Немецкая музыка заставляет думать, а это как раз то, что мне сейчас нужно. Вы готовы?

Мы доехали на подземке до станции «Олдерсгет», а оттуда дошли пешком до Сакс-Кобург-сквер, того места, где разворачивались события, о которых рассказали нам сегодня утром. Это была небольшая площадь, за внешней опрятностью которой проглядывали убогость и нищета удаленного от центра района. С четырех сторон к ней сходились ряды грязно-серых двухэтажных кирпичных зданий. Они упирались в небольшую огороженную заборчиком площадку, поросшую неухоженной травой и чахлыми лавровыми кустами, которые задыхались в удушливом, насыщенном дымом и копотью воздухе. Три позолоченных шара и коричневая вывеска с белыми буквами «Джабез Вилсон», висящая на углу, указывали, где находилось заведение нашего рыжеволосого клиента.

Шерлок Холмс остановился перед этим домом и, склонив голову набок, окинул внимательным взглядом фасад здания. Я заметил, как азартно блестели его глаза из-под полуприкрытых век. Потом он медленно прошел чуть дальше по улице, осматривая соседние дома, вернулся к углу, где два-три раза громко ударил тростью по мостовой, наконец подошел к двери ломбарда и постучал. Дверь тут же распахнулась, и чисто выбритый молодой человек с ясным взглядом пригласил его войти.

– Спасибо, – сказал Холмс. – Я только хотел спросить, как пройти до Стрэнда.

– Третий поворот направо, четвертый налево, – не задумываясь ответил юноша и захлопнул дверь.

– Удивительный малый, – заметил Холмс, когда мы зашагали по улице. – По моей оценке это четвертый умнейший человек в Лондоне, если не третий. Я и до этого случая кое-что о нем слышал.

– По-моему, очевидно, – сказал я, – что помощник мистера Вилсона тесно связан с этим загадочным Союзом рыжих. И вы наверняка проделали весь этот путь, чтобы взглянуть на него.

– Не на него.

– А на что?

– На его колени.

– И что же вы увидели?

– То, что и ожидал.

– А зачем вы ударили тростью по мостовой?

– Дорогой доктор, сейчас время наблюдать, а не разговаривать. Мы с вами – лазутчики на вражеской территории. Сакс-Кобург-сквер мы увидели, давайте теперь взглянем на то, что находится за ней.

Улица, на которую мы вышли с Сакс-Кобург-сквер, свернув за угол, так же разительно отличалась от площади, как лицевая сторона картины отличается от обратной. Здесь проходила одна из основных городских артерий, ведущая из Сити на север и запад. Дорога была сплошь забита грузовым транспортом, движущимся двумя нескончаемыми рядами в противоположных направлениях, тротуары черны от толп спешащих пешеходов. Трудно представить, что за фасадами роскошных магазинов и солидных деловых контор, которые предстали нашему взгляду, скрываются грязные и безлюдные трущобы, наподобие той площади, с которой мы только что вышли.

– Одну минутку, – сказал Холмс, остановившись на углу и глядя вдоль улицы. – Хочу запомнить, в каком порядке здесь идут дома. Изучать лондонские улицы – мое любимое занятие. Табачный магазин Мортимера, газетная лавка, кобургское отделение «Сити-и-Сабербен Бэнк», вегетарианский ресторан и каретное депо Мак-Фарлейна. Дальше следующий квартал. Ну что же, доктор, работу мы выполнили, теперь можно и отдохнуть. Сначала съедим по бутерброду, выпьем кофе, а потом нас ждет мир скрипичной музыки, где все прекрасно, утонченно, гармонично и где ни один рыжий клиент не потревожит нас своими загадками.

Мой друг был увлеченным музыкантом, причем не только превосходным исполнителем, но и несомненно талантливым сочинителем. Весь концерт он просидел со счастливым лицом, водя в воздухе длинными тонкими пальцами в такт музыке, и, глядя на эту улыбку, на полузакрытые затуманенные глаза, не верилось, что это тот самый Шерлок Холмс, безжалостный, холодный и расчетливый сыщик, которого как огня боится весь преступный мир Лондона. В этом удивительном человеке уживалось два совершенно разных характера, и его всепоглощающая страсть к точности и прозорливость, как мне часто казалось, были своего рода ответной реакцией на то вдохновенное и созерцательное состояние, которое порой охватывало его. Подобная двойственность часто бросала его из одной крайности в другую. Он мог целыми днями сидеть в своем любимом кресле, играя на скрипке или изучая старин-

ные книги, но потом непременно наступал миг, когда моего друга охватывало жгучее желание действовать, и тогда его исключительный дар делать общие выводы на основании частных достигал таких высот, что люди, мало знакомые с его методами, начинали смотреть на него как на существо, наделенное сверхъестественным разумом. Когда в тот день я, сидя в зале Сент-Джеймс-Холла, наблюдал за этим поглощенным музыкой человеком, я чувствовал, что тех, за кем он охотится, ждут великие беды.

– Вам уже наверняка хочется поскорее домой, доктор, – заметил он, когда мы вышли из концертного зала.

– Если честно, то да.

– А у меня еще одно дело на несколько часов. Это происшествие с нашим рыжим клиентом меня очень беспокоит.

– Почему же?

– Готовится крупное преступление. У меня есть все основания надеяться, что мы успеем предотвратить его, но то, что сегодня суббота, сильно усложняет дело. Сегодня вечером мне понадобится ваша помощь.

– В котором часу?

– Думаю, часов в десять, не раньше.

– В десять я буду на Бейкер-стрит.

– Прекрасно. Да, и еще одно. Захватите свой армейский револьвер, дело может оказаться опасным. – Он помахал рукой, повернулся и растворился в толпе.

Я не считаю себя глупее окружающих, но, когда я имею дело с Холмсом, меня постоянно преследует ощущение собственной тупости. Казалось бы, я видел и слышал все то же, что видел и слышал он, однако очевидно, что он не только ясно представлял себе, что произошло, но и то, что должно произойти. Мне же все это дело по-прежнему представлялось неразрешимой загадкой.

По дороге домой в Кенсингтон я еще раз припомнил все известные мне обстоятельства этого дела, начиная с поразительного рассказа рыжего переписчика «Британской энциклопедии» и заканчивая нашим визитом на Сакс-Кобург-сквер и зловещими словами, сказанными на прощание Холмсом. Что за ночная экспедиция нас ожидает и почему мне нужно прийти с оружием? Куда нам предстоит отправиться и что мы будем делать? Холмс намекнул, что этот безусый помощник ростовщика не так прост, как кажется, и способен на крупное преступление. Я долго пытался понять, какова его роль в этом деле, но у меня ничего не вышло, и я решил больше не думать об этом, а ждать ночи, которая даст ответы на все вопросы.

В четверть десятого я вышел из дому и через парк и Оксфорд-стрит попал на Бейкер-стрит. У входа стояли два хэнсома²⁴. Зайдя в прихожую, я услышал наверху голоса. Холмс в своей комнате беседовал с двумя мужчинами. Одного из них я узнал – это был Питер Джонс, следователь из полиции, второй был высоким худым джентльменом с печальным лицом в сверкающем цилиндре и вызывающе безукоризненном фраке.

– Ну, вот мы и в сборе, – сказал Холмс, застегивая теплую матросскую куртку, и снял висевший на стене тяжелый охотничий хлыст. – Ватсон, с мистером Джонсом из Скотленд-Ярда, вы, кажется, знакомы? Позвольте представить вам мистера Мерриуэзера, в сегодняшнем ночном приключении он составит нам компанию.

– Снова охотимся вместе, доктор, – с обычным многозначительным видом сказал Джонс. – Наш друг – отличный егерь. Все, что ему нужно, это старая гончая, чтобы преследовать дичь.

²⁴ Двухколесный наемный экипаж с крышей, в котором место для кучера находится сзади.

– Надеюсь, мы собрались не для того, чтобы поохотиться на гусей, – мрачно промолвил мистер Мерриуэзер.

– Сэр, вы можете всецело положиться на мистера Холмса, – важно сказал полицейский. – Методы его, не в обиду будет сказано, несколько умозрительны и оторваны от реальности, но у него есть все задатки хорошего сыщика. Не побоюсь сказать, что пару раз, как, например в том деле об убийстве Шолто и сокровищах Агры, он оказался проворнее даже официальных властей.

– Ну, если вы, мистер Джонс, так считаете, то все в порядке, – с уважением произнес незнакомец. – Однако, признаюсь, мне очень не хватает сегодня карт. Впервые за двадцать семь лет я проведу субботний вечер не за карточным столом.

– Не думаю, что вам когда-нибудь приходилось участвовать в игре с такими большими ставками, как сегодня, – сказал Холмс. – Могу вас уверить, что и сама игра будет намного более захватывающей. Для вас, мистер Мерриуэзер, на кону тридцать тысяч фунтов, а для вас, Джонс, – человек, за которым вы давно охотитесь.

– Джон Клей, убийца, вор, фальшивомонетчик и аферист. Он молод, мистер Мерриуэзер, но уже в совершенстве постиг все премудрости своей профессии. Ни одного другого лондонского преступника мне так не хочется упрятать за решетку, как этого мерзавца. Этот Джон Клей – необычная личность. Его дед был герцогом, состоял в родстве с королевской семьей, сам он учился в Итоне и Оксфорде. Мозг у него работает так же быстро, как и пальцы. На каждом шагу мы натываемся на его следы, но где искать его самого, мы не знаем. Сегодня он совершает кражу со взломом в Шотландии, а на следующей неделе уже собирает деньги на строительство детского приюта в Корнуэлле. Я несколько лет иду по его следу, но до сих пор ни разу его не видел.

– Надеюсь, сегодня ночью я буду иметь удовольствие вас познакомиться. Я тоже пару раз сталкивался с мистером Джоном Клеем, и я с вами совершенно согласен: он действительно один из самых опасных преступников в Лондоне. Однако уже начало одиннадцатого, нам пора выходить. Вы садитесь в первый хэнсом, а мы с Ватсоном поедem во втором.

Все время поездки Шерлок Холмс был молчалив. Он сидел, откинувшись на спинку сиденья, и тихонько напевал мелодии, услышанные сегодня днем. Мы долго блуждали по бесконечному лабиринту освещенных газовыми фонарями улочек, пока наконец не выехали на Фаррингтон-стрит.

– Мы уже почти у цели, – заговорил мой друг. – Сей господин, Мерриуэзер, – директор банка, он лично заинтересован в этом деле. А Джонс, конечно, в своем деле полный тупица, но неплохой парень, и я решил, что сегодня он может нам пригодиться. У него есть одно хорошее качество: абсолютное бесстрашие и бульдожья хватка. Если уж вцепится в кого-нибудь, ни за что не отпустит... Приехали. Они нас уже ждут.

Мы остановились на той самой оживленной улице, на которой уже побывали сегодня утром. Кебы отпустили. Мистер Мерриуэзер провел нас через какой-то коридор и вывел к боковой двери. За дверью оказался еще один небольшой коридор, заканчивающийся тяжелой железной дверью. Наш проводник открыл ее, и мы двинулись дальше по каменной винтовой лестнице вниз, пока не уперлись в очередную массивную дверь. Здесь мистер Мерриуэзер ненадолго остановился, чтобы зажечь фонарь, потом повел нас по темному, пахнущему землей проходу, в конце которого открыл еще одну дверь, и мы вошли в огромный зал или подвал, до потолка забитый какими-то ящиками и большими коробками.

– Да, сверху к вам не пробиться, – заметил Холмс и, подняв над головой фонарь, стал осматриваться вокруг.

– Снизу тоже. – Мистер Мерриуэзер постучал тростью в каменные плиты, которыми был вымощен пол. – Боже, что это? – удивленно воскликнул он. – Звук такой, словно там пустота.

– Прошу вас, как можно меньше шума! – строго посмотрел на него Холмс. – Вы только что поставили под удар успех всего дела. – Могу я попросить вас сесть на одну из этих коробок и ни во что не вмешиваться?

Важный мистер Мерриуэзер с оскорбленным видом сел на краешек ближайшего ящика, а Холмс опустил на колени, достал увеличительное стекло и, подсвечивая себе фонарем, принялся внимательно изучать зазоры между камнями. Очевидно, ему хватило нескольких секунд, потому что он почти сразу вскочил и сунул лупу в карман.

– У нас есть как минимум час времени, – объявил он. – Вряд ли они приступят к делу, пока добрый ростовщик не уляжется спать. Но потом будут действовать стремительно, потому что, чем раньше они закончат, тем больше времени у них будет на то, чтобы скрыться. Ватсон, как вы уже наверняка догадались, мы находимся в подвале отделения крупного лондонского банка. Мистер Мерриуэзер – председатель совета директоров, он объяснит вам, почему этим подвалом заинтересовались одни из самых дерзких преступников Лондона.

– В этих ящиках – наше французское золото, – прошептал директор. – Из разных источников мы несколько раз получали предупреждение о том, что его могут попытаться выкрасть.

– Ваше французское золото?

– Да. Несколько месяцев назад мы приняли решение укрепить свои позиции, для чего заняли у Французского банка тридцать тысяч наполеондоров. Информация о том, что деньги все еще не распакованы и до сих пор хранятся в нашем подвале, просочилась за стены банка. В ящике, на котором я сейчас сижу, лежат две тысячи золотых наполеондоров, переложенных листами свинцовой фольги. Обычно в отделениях банка не хранят такого количества золота, поэтому правление очень беспокоится.

– И правильно делает, – вставил Холмс. – А сейчас настало время привести в исполнение наш небольшой план. Думаю, что уже через час все решится, но пока, мистер Мерриуэзер, нам нужно чем-то прикрыть этот фонарь.

– И сидеть в темноте?

– Боюсь, что да. У меня в кармане колода карт, и, раз уж нас четверо, я думал, что вы сегодня все же сыграете свой роббер. Однако, как я вижу, наши враги уже настолько подготовились, что мы не можем рисковать, и свет придется потушить. Но сначала нам нужно решить, кто где будет находиться. Это опасные люди, и, хоть на нашей стороне позиционное преимущество, если мы не будем осторожны, они могут причинить нам немало вреда. Я встану за этим ящиком, вы укроетесь за теми. Когда я освещу их фонарем, сразу же бросайтесь на них. Ватсон, если они начнут стрелять, без колебаний открывайте огонь.

Я положил револьвер со взведенным курком на деревянный ящик, за которым и притаился. Холмс закрыл заслонкой фонарь, и подвал погрузился во мрак. Мы оказались в полной темноте. Лишь запах горячего металла напоминал о том, что фонарь не погашен и, когда будет нужно, свет вспыхнет вновь. Этот мгновенный переход от света к тьме и холодный сырой воздух подземелья произвели на меня тягостное впечатление, тем более что нервы мои от ожидания и без того были напряжены до предела.

– Путь к отступлению у них только один, – прошептал Холмс. – Обратно через дом на Сакс-Кобург-сквер. Джонс, надеюсь, вы сделали то, что я просил?

– У двери дежурит инспектор с двумя офицерами.

– Значит, мы перекрыли все ходы. Больше ни слова. Теперь остается только ждать.

Каким томительным было ожидание! Потом, когда все закончилось и мы обменивались впечатлениями, я выяснил, что прождали мы всего лишь час с четвертью, но там, в темном подвале, мне под конец начало казаться, что наверху ночь уже закончилась и наступил рассвет. Вскоре руки и ноги у меня устали и затекли, потому что я не решался сменить положение. Нервы были натянуты как струны, а слух так обострился, что я даже стал слышать дыха-

ние своих товарищей, причем я мог отличить тяжелые и глубокие вздохи дородного Джонса от тонких ноток дыхания директора банка. Я сидел скрючившись, глядя в пол, как вдруг уловил проблеск света.

Сначала мне показалось, что по каменной кладке пробежала слабая искра. Но потом светлое пятно стало расти и постепенно превратилось в узкую желтую полоску. В следующую секунду совершенно неожиданно и бесшумно плиты немного раздвинулись и показалась рука, белая, тонкая, будто женская. Пальцы, освещенные бьющим из-под пола сиянием, какую-то минуту ощупывали края образовавшегося отверстия, но вдруг опять исчезли так же быстро, как появились, и опять стало совершенно темно, только едва заметная искорка мелькала в том месте, где между каменными плитами был зазор.

Однако рука исчезла ненадолго. С резким скрипучим звуком одна из широких белых плит перевернулась, оставив открытой квадратную дыру, откуда прорезался свет фонаря. Над краем показалось гладко выбритое, почти мальчишеское лицо. Человек внимательно посмотрел по сторонам, потом, ухватившись за края отверстия, стал медленно подтягиваться. Сначала показались плечи, потом грудь и талия, наконец он уперся одним коленом в пол и в следующую секунду уже стоял на обеих ногах и помогал выбраться наверх своему спутнику, такому же гибкому и невысокому, с копной огненно-рыжих волос и очень бледным лицом.

– Все чисто, – прошептал первый. – Зубило и мешки не забыл? О, черт! Прыгай, Арчи, прыгай! Я за тобой!

Шерлок Холмс метнулся из своего укрытия и схватил его за воротник. Второй нырнул в лаз, и я услышал звук рвущейся материи – это Джонс успел схватить его за куртку. В свете фонаря сверкнуло дуло револьвера, но в ту же секунду на руку злоумышленника опустился хлыст Холмса, и оружие полетело на каменный пол.

– Сопrotивляться бесполезно, Джон Клей, – негромко сказал Холмс.

– Я вижу, – хладнокровно произнес преступник. – Только вот дружка моего вы упустили, хоть вам и осталась на память пола его куртки.

– Ничего, у двери его ждут три человека, – сказал Холмс.

– Да? Вы, похоже, хорошо подготовились. Примите мои комплименты.

– Вы тоже, – ответил Холмс. – Ваша идея с рыжими очень оригинальна и удачна.

– Скоро вы снова встретитесь со своим другом, – сказал Джонс. – По норам он лазает быстрее, чем я. А ну-ка, покажите мне ваши ладошки.

– Я бы попросил вас не прикасаться ко мне своими грязными руками, – бросил пленник, когда на его запястьях защелкнулись наручники. – К вашему сведению, в моих жилах течет королевская кровь. И будьте любезны, обращаясь ко мне, говорите «сэр» и «пожалуйста».

– Хорошо, – Джонс недоуменно посмотрел на него и чуть не рассмеялся. – Тогда не соблаговолите ли вы, сэр, подняться со мной наверх, где уже ждет кеб, который доставит ваше высочество в полицейский участок?

– Так-то лучше, – невозмутимо произнес Джон Клей, важно раскланялся с нами тремя и в сопровождении детектива направился к выходу.

– Мистер Холмс, – произнес мистер Мерриуэзер, когда мы двинулись следом за ними, – я уж и не знаю, как банк может отблагодарить или вознаградить вас. Вы ведь раскрыли и предотвратили одну из самых дерзких и хитрых попыток ограбления на моей памяти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.